

ISSN: 3033-683X

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

INTERNATIONAL
JOURNAL OF
ADVANCED
RESEARCH

№ 1 / 2025

<https://ijar-journal.com/>

Главный редактор журнала:

Новиков Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия

Заместитель главного редактора: Куровская Наталья Анатольевна, генеральный директор ООО «Академия Науки и Образования», Донецк, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии:

Антропцева Ирина Олеговна, доктор юридических наук, отделение «Высшая школа правоведения», РАНХиГС, Москва, Россия

Богатырев Валерий Викторович, доктор юридических наук, профессор Юридического института Владимирского государственного университета, Владимир, Россия

Гаврильченко Юлия Петровна, доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, юридический факультет, Минск, Беларусь.

Ганеш Ануш, PhD, Университет Эксетера, Эксетер, Великобритания

Должиков Алексей Вячеславович, доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Каляшин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Владимирский филиал РАНХиГС, Владимир, Россия

Косолапов Михаил Федорович, доктор юридических наук, кафедра международного права, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Кузнецов Евгений Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Кумар Судханшу, PhD, доцент кафедры юриспруденции, Национальная юридическая школа Индии, Бангалор, Индия

Кханна Вандита, доктор наук (юридический факультет), Кёльнский университет, Кёльн, Германия

Лазарев Сергей Викторович, доктор юридических наук, кафедра гражданского процесса, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

Мазеин Артем Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Российский технологический университет МИРЭА, Москва

Макеева Ирина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

Мещанова Мария Валентиновна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мукерджи Уджал Кумар, доктор философии (PhD) по праву, Западно-Бенгальский национальный университет юридических наук, Калькутта, Индия

Рагозина Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Савенок Анатолий Леонидович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Себастьян Джон, PhD, доцент, Глобальный университет OP Jindal, Сонипат, Индия

Смирнов Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, кафедра трудового и финансового права, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия

Суворов Евгений Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, МГЮА им. О.Е. Кутафина, адвокат, Москва, Россия

Ткачева Наталья Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Фомичева Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, Орск, Россия

Шахрай Ирина Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Шрирам Сангита, доктор наук, доцент, Центральный университет Тамил-Наду, Тируварур, Индия

Учредители:

ООО «АКАДЕМИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ»

Адрес учредителя: 283086, Донецкая народная республика, г. о. Донецк, г. Донецк, ул.

Артема, д. 41, ком. 306в.

ИНН: 9303040432

КПП: 930301001

ОГРН: 1259300002103

Телефон: +7(909)679-60-04

Сайт: <https://ijar-journal.com/>

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-90280

ISSN: 3033-683X

Издатель: Куровская Наталья Анатольевна, Генеральный директор ООО «АНО».

Адрес издателя: г. Москва

© International Journal of Advanced Research, 2025 г.

Периодичность 4 раза в год.

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ СТАТЬИ ПО СЛЕДУЮЩИМ НАУЧНЫМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Все представленные рукописи первоначально проверяются редакцией на соответствие тематике журнала и проводят проверку на оригинальность (с использованием

соответствующих программно-аппаратных комплексов). Прошедшие этот этап статьи передаются на анонимное рецензирование членам редакционной коллегии или привлеченным внешним экспертам. При условии получения положительных рецензий без замечаний по существу исследования статья принимается к публикации, включается в редакционный портфель и размещается в очередном номере журнала.

Научный журнал «International Journal of Advanced Research» занимается публикацией научно-практических исследований в соответствии с номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

Наш журнал стремится сделать процесс публикации максимально удобным для авторов, поэтому допускает различные варианты оформления библиографических ссылок и списка литературы.

Список источников оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008 и приводится в конце статьи под заголовком «Список источников». При этом допускаются следующие форматы библиографических ссылок:

- Внутритекстовые ссылки (по стандарту APA)
- Подстрочные ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)
- Затекстовые ссылки (по ГОСТ 7.0.5-2008)

Мы предоставляем авторам гибкость в оформлении, чтобы минимизировать бюрократические барьеры и сосредоточиться на содержании научного исследования. Главное — единообразие внутри самой статьи.

ПЛАТА ЗА ПУБЛИКАЦИЮ

Редакция не взимает с авторов плату за подготовку, размещение или печать материалов.

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «International Journal of Advanced Research» обязательна.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Chief Editor: Novikov Andrey Borisovich, Doctor of Laws, Professor, Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia.

Deputy Chief Editor: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, General Director of “Academy of Science and Education” LLC, Donetsk, Russian Federation

Editorial Board:

Antroptseva Irina Olegovna, Doctor of Laws, Higher School of Jurisprudence, RANEPА, Moscow, Russia

Bogatyrev Valeriy Viktorovich, Doctor of Laws, Professor, Law Institute, Vladimir State University, Vladimir, Russia

Gavrilenko Yuliya Petrovna, Doctor of Laws, Professor, Department of Financial Law and Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Ganesh Anush, PhD in Law, University of Exeter, Exeter, UK

Dolzhikov Aleksey Vyacheslavovich, Doctor of Laws, Associate Professor, Department of Constitutional Law, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Kalyashin Andrey Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, RANEPА Vladimir Branch, Vladimir, Russia

Kosolapov Mikhail Fyodorovich, Doctor of Laws, Department of International Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Kuznetsov Evgeniy Nikolaevich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Kumar Sudhanshu, PhD in Law, Associate Professor of Jurisprudence, National Law School of India University, Bangalore, India

Khanna Vandita, Doctor of Laws, University of Cologne, Cologne, Germany

Lazarev Sergey Viktorovich, Doctor of Laws, Department of Civil Procedure, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Mazein Artem Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia

Makeeva Irina Sergeevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

Meshchanova Maria Valentinovna, Doctor of Laws, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Mookherjee Ujal Kumar, PhD in Law, West Bengal National University of Juridical Sciences, Kolkata, India

Ragozina Natalya Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Savenok Anatoly Leonidovich, Doctor of Laws, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Sebastian John, PhD, Associate Professor, OP Jindal Global University, Sonapat, India

Smirnov Dmitriy Aleksandrovich, Doctor of Laws, Department of Labour and Financial Law, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia

Suvorov Evgeniy Dmitrievich, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University, Attorney at Law, Moscow, Russia

Tkacheva Natalya Nikolaevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Fomicheva Olga Anatolyevna, Doctor of Laws, Professor, Orsk Branch of Moscow University of Finance and Law, Orsk, Russia

Shakhray Irina Sergeevna, Doctor of Laws, Professor, Department of Environmental and Agrarian Law, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Sriraam Sangeetha, PhD, Associate Professor, Central University of Tamil Nadu, Thiruvavur, India

Founder and publisher:

LLC "ACADEMY OF SCIENCE AND EDUCATION"

Founder's address: 41 Artem str., room 306b, Donetsk city, Donetsk People's Republic, 283086.

INN: 9303040432

KPP: 930301001

OGRN: 1259300002103

Phone: +7 (909)679-60-04

Website: <https://ijar-journal.com/>

Media registration number: No. FS77-90280

ISSN: 3033-683X

Publisher: Kurovskaya Natalia Anatolyevna, CEO of ANO LLC.

Publisher's address: Moscow

© International Journal of Advanced Research, 2025 г.

The frequency is 4 times a year.

THE JOURNAL PUBLISHES ARTICLES ON THE FOLLOWING SCIENTIFIC SPECIALTIES:

5.1.2. Public-legal (state-legal) sciences

5.1.3. Private law (civil) sciences

PROCEDURE FOR REVIEWING ARTICLES

All submitted manuscripts are initially checked by the editorial staff for compliance with the journal's subject matter and checked for originality (using appropriate software and hardware systems). Articles that have passed this stage are submitted for anonymous review to members of the editorial board or external experts involved. Subject to receiving positive reviews without comments on the research substance, the article is accepted for publication, included in the editorial portfolio and placed in the next issue of the journal.

The scientific journal "International Journal of Advanced Research" publishes scientific and practical research in accordance with the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded.

Our journal strives to make the publication process as convenient as possible for authors, so it allows for various design options for bibliographic references and references.

The list of sources is drawn up in accordance with GOST 7.0.5-2008 and is given at the end of the article under the heading "List of sources". The following formats of bibliographic references are allowed:

- Intra-text links (according to the APA standard)
- Footnotes (according to GOST 7.0.5-2008)
- Non-text links (according to GOST 7.0.5-2008)

We provide authors with flexibility in design to minimize red tape and focus on the content of their research. The main thing is uniformity within the article itself.

PUBLICATION FEE

The editorial board does not charge authors a fee for the preparation, placement or printing of materials.

When using the published materials of the journal, a link to the "International Journal of Advanced Research" is required.

Full or partial reprint of materials is allowed only with the written permission of the authors of the articles or the editorial board.

The editors' point of view does not always coincide with the authors' point of view.

ОГЛАВЛЕНИЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки	8
Протасавицкий С. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ СОГЛАСИЯ СУПРУГА НА ДЕЙСТВИЯ ДРУГОГО СУПРУГА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ	8
Томчак Ф. ВИДЕОФИКСАЦИЯ ПРОЦЕССА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛКИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	21
Гумбатов Э.А. К ВОПРОСУ О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ФАКТА ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ (ОКАЗАНИЯ УСЛУГ) БЕЗ СОСТАВЛЕНИЯ АКТА О ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТАХ (ОКАЗАННЫХ УСЛУГАХ).....	32
Щербик Д. ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА И ОРИЕНТИР ДЛЯ СУДА ПРИ ОБОСНОВАНИИ ЕГО ПОЗИЦИИ.....	43
Уайт С.Б. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ НА ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ.....	55
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки	67
Турсынкулова Д.А. ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ	67
Пиччирилли Дж. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ	79
Пилипенко А.А. ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ОТЦОВСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 38 КОНСТИТУЦИИ РФ.....	90
Печинская Е. К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ МНОГООБРАЗИИ КАК ОСНОВЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ	100
Мукалдиева Г.Б. ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА	111

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.6, 347.23

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ СОГЛАСИЯ СУПРУГА НА ДЕЙСТВИЯ ДРУГОГО СУПРУГА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ

**Протасавицкий Сергей, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь, sprotas_vic@yandex.ru**

Аннотация

Семейное законодательство исходит из принципа равноправия супругов и обоюдности распоряжения их общим имуществом. Однако анализ норм Семейного кодекса РФ даёт основания усомниться в том, что законодатель в своей политике остаётся последовательным. В статье выделяются некоторые недостатки законодательства в части урегулирования презумпции согласия супруга на заключение с другим супругом сделок по распоряжению общим имуществом. Отмечается наличие определённых возможностей у супруга заключать сделки по распоряжению общим имуществом, презюмируя согласие второго супруга, если закон не требует таковое получать ввиду нотариальной формы или государственной регистрации планируемой сделки. В этом порядке автор видит и некоторые недостатки, прежде всего, игнорирование стоимостных характеристик имущества, что создаёт условия для злоупотребления вопреки интересам второго супруга. Законодатель, позволяя оспаривать сделки ввиду отсутствия согласия второго супруга, защищает интересы обоих супругов, в чем видно стремление к равенству и справедливости; с другой стороны, создаются и условия для злоупотребления особенно: второй супруг может быть попросту не осведомлён о том, что первым заключены какие-либо сделки, хотя и законно не подпадающие под условия о государственной регистрации или нотариальном удостоверении, но отличающиеся высокой стоимостью, а потому существенно

влияющие на материальное положение семьи. Поэтому автор предлагает внести изменения в ст. 35 Семейного кодекса РФ, расширив круг сделок, для совершения которых надлежит получать согласие второго супруга.

Ключевые слова: имущественные отношения супругов, общее имущество супругов, недействительная сделка, презумпция согласия другого супруга, распоряжение общим имуществом супругов, семейные правоотношения, СК РФ

Статья поступила в редакцию 02.05.2025, одобрена после рецензирования 03.06.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

THE PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF THE PRESUMPTION OF CONSENT OF A SPOUSE TO THE ACTIONS OF ANOTHER SPOUSE IN THE DISPOSAL OF COMMON PROPERTY

Sergey Protasavitsky, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

Family legislation is based on the principle of equality of spouses and mutual disposal of their common property. However, an analysis of the norms of the Family Code of the Russian Federation gives reason to doubt that the legislator remains consistent in his policy. The article highlights some shortcomings of the legislation regarding the regulation of the presumption of consent of a spouse to conclude transactions with another spouse for the disposal of common property. It is noted that the spouse has certain opportunities to enter into transactions for the disposal of common property, assuming the consent of the second spouse, if the law does not require it due to the notarial form or state registration of the planned transaction. The author sees some disadvantages in this order, first of all, ignoring the cost characteristics of the property, which creates conditions for abuse contrary to the interests of the second spouse. The legislator, by allowing transactions to be challenged due to the lack of consent of the

second spouse, protects the interests of both spouses, which shows the desire for equality and justice; on the other hand, conditions for abuse of power are created: the second spouse may simply not be aware that the first has concluded any transactions, although legally not subject to conditions for state registration or notarization, but with a high cost, and therefore significantly affecting the financial situation of the family. Therefore, the author suggests making changes to art. 35 of the Family Code of the Russian Federation, expanding the range of transactions for which the consent of the second spouse must be obtained.

Keywords: property relations of spouses, common property of spouses, invalid transaction, presumption of consent of the other spouse, disposal of common property of spouses, family legal relations, IC RF

Введение

Нормы действующего законодательства, сосредоточенные в Гражданском кодексе РФ [1] (далее – ГК РФ) и Семейном кодексе РФ [2] (далее – СК РФ), и де-факто, и де-юре закрепляют принцип презумпции согласия супруга на совершение сделок другим супругом. Однако такая презумпция согласия остаётся весьма ограниченной, что объясняется необходимостью обеспечения баланса интересов супругов в части защиты их имущественных прав, а также интересов третьих лиц. Это является логичным решением законодателя.

Но вопрос о пределах презумпции согласия остаётся предметом дискуссий, причём как в научной среде, так и в среде практикующих адвокатов. Дискуссии совсем не случайны, поскольку в сложившихся условиях правового регулирования остаются достаточно высокие риски нарушения интересов граждан, которые состоят в брачных правоотношениях. Практически ни кто не застрахован от злоупотреблений со стороны другого супруга, в том числе и ввиду законодательно закреплённой презумпции согласия. Возможный же отказ от такого инструмента тоже вызывает сомнения, поскольку может существенно

осложнить гражданский оборот во многих аспектах. Поэтому есть объективная необходимость в уточнении ряда проблемных вопросов.

Основная часть

Базовые нормы относительно имущественных отношений, возникающих между супругами, заложены в нормах ГК РФ. Ключевой из них можно считать ст. 256 об общей собственности супругов. Положения данной статьи играют наиболее значимую роль в тех случаях, когда между супругами не заключён брачный договор.

Прежде всего, п. 1 ст. 256 ГК РФ провозглашает имущество, нажитое супругами в период брака, их совместной собственностью. Исключения же из этой собственности могут быть предусмотрены брачным договором. В случае его отсутствия основной массив имущества рассматривается именно в контексте совместных прав. Причем в данном случае не берётся в расчет то имущество, которым каждый из супругов владел до вступления в брак.

Исходя из п. 3 ст. 256 ГК РФ, каждый из супругов по собственным обязательствам отвечает своим имуществом. Однако и на общее имущество может быть обращено взыскание в той части, которая принадлежит супругу-должнику. Этим обуславливается особая значимость проблем, связанных с заключением сделок супругами, в том числе с учётом законодательно установленной презумпции согласия второго супруга.

Немаловажную роль в регулировании рассматриваемых вопросов играют нормы СК РФ и, в первую очередь, ст. 35, п. 1 которой предписывает владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом супругов по именно по обоюдному согласию. Такой подход законодателя продиктован, во-первых, предполагаемым имущественным единством семьи, во-вторых, совместным характером введения хозяйств и наличием тесных связей, в том числе юридических и экономических. То есть семья рассматривается как некая единая «ячейка» социума.

П. 2 ст. 35 СК РФ гласит, что в случае совершения кем-либо из супругов сделки, связанной с распоряжением общим имуществом, предполагается, что он действует именно при наличии согласия другого супруга. В то же время, законодатель допускает признание соответствующей сделки недействительной именно ввиду отсутствия согласия другого супруга, но лишь при его требовании и только в случаях, когда было доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение сделки.

Чрезвычайно важным представляется п. 3 ст. 35 СК РФ, который предписывает сделки относительно имущества, подлежащего государственной регистрации или нотариальному удостоверению, заключать при наличии нотариально удостоверенного согласия другого супруга. В случае несоблюдения данного предписания другой супруг имеет право требовать признания сделки недействительной в судебном порядке, причём именно в течение года с момента, когда он узнал о нарушении соответствующего права.

Примечательно, что законодатель в данном случае не учитывает стоимостные характеристики имущества, о распоряжении которым идёт речь, а за ориентир взято именно условие о обязательной государственной регистрации или нотариальном удостоверении сделок, что, конечно же, не может не вызывать вопросы, особенно с учётом того, что многие сделки, не требующие государственной регистрации или нотариального удостоверения, сопряжены с распоряжением весьма дорогостоящим имуществом.

А.В. Лобзова справедливо указывает на опровержимый характер сделки, которая совершена с общим имуществом супругов. Такая сделка подлежит признанию недействительной именно при условии заведомого отсутствия согласия другого супруга на её совершение [7, с. 54]. Конечно, такое обстоятельство накладывает определённые риски на достаточно широкий спектр сделок.

Указанным автором подчёркивается, что возможность одностороннего волеизъявления супруга сводится только к случаям наличия явной недобросовестности другой стороны сделки. Причём доказательства должен представлять сам потерпевший. Такой подход законодателя данным автором рассматривается в качестве средства оптимизации и обеспечения некоторого удобства гражданского оборота. Одновременно такой подход содержит в себе некоторые противоречия идеям равноправия супругов в решении вопросов, касающихся имущественных правоотношений [7, с. 54].

Нельзя не признать, что действительно в существующих условиях создаются некоторые удобства для гражданского оборота, поскольку как сам супруг, так и его контрагенты не должны придерживаться жёстких формальностей, связанных с запросом согласия второго супруга, заключая достаточно широкий спектр сделок. Однако каждая из сделок, особенно достаточно дорогостоящих, связанных с распоряжением общим имуществом, затрагивает интересы и второго супруга. В этом смысле очевидно и некоторое пренебрежение его интересами.

В контексте изложенного нельзя не обратить внимание на сложившуюся правоприменительную практику, отражённую, в частности, в Обзоре Верховного Суда РФ.

Так, в рассматриваемом деле спор касался взыскания суммы долга, причём истец аргументировал свою позицию наличием расписки и соглашения об окончательном урегулировании финансовых взаиморасчётов в рамках совместных коммерческих проектов. Ответчик, заключая соответствующий договор, находился в браке, а в дальнейшем обязательства им выполнены не были. Именно это позволило истцу обратиться в суд. Причём дело было неоднократно пересмотрено судами различных инстанций. При этом суд первой инстанции счёл, что денежные средства ответчиком были потрачены на нужды семьи, в том числе на развитие совместного бизнеса и приобретение недвижимого объекта. Исходя из этого, соответствующее имущество

расценивалось им как общее. Такая позиция была поддержана в апелляционной инстанции. Верховный же суд эту позицию счел несостоятельной, направив дело на новое рассмотрение. Он полагал, что долги супругов при разделе имущества распределяются пропорционально присуждённым долям, а солидарная ответственность не была им признана. При этом подчеркивалось, что законодательство не содержит положений, которые бы презюмировали согласие второго супруга на совершение сделки, предполагающей возникновение у первого супруга обязательств перед третьими лицами. Более того, Верховный Суд обратил подчеркнул положения СК РФ, позволяющие обращать взыскание по обязательствам одного из супругов лишь на его имущество. Исходя из этого. обязательства по договору не были рассмотрены как принятые ввиду согласия второго супруга [3].

Таким образом, сделки, которые сопряжены с принятием супругом обязательств перед третьими лицами, не рассматриваются в качестве заключённых с согласия второго супруга, что можно расценивать как одно из существенных ограничений презумпции согласия. И думается, что законодатель совершенно прав в этом вопросе.

Немаловажную роль в решении проблемы презумпции согласия второго супруга играет и вопрос использования соответствующей сделки (её результатов) для нужд семьи. Сама категория «нужды семьи», которая нередко употребляется законодателем, а также правоприменителями при рассмотрении конкретных дел, в нормах действующего законодательства не конкретизирована. Отсюда остаётся и спорным вопрос о том, что же надлежит понимать под нуждами семьи. В литературе даже высказываются идеи о необходимости ограничения возможностей для судебского усмотрения в части трактовки нужд семьи [8, с. 423]. Однако в достаточной мере уточнить указанное понятие вряд ли возможно, особенно с учётом значительного разнообразия жизненных ситуаций. Поэтому становится не вполне ясным, возможно ли оспорить сделку,

если таковая была совершена вопреки без получения согласия второго супруга, но способствовала удовлетворению нужд семьи.

Надо сказать, что до некоторых пор весьма спорным оставался вопрос о том, является ли обязательным получение согласия супруга на совершение сделки с общим имуществом после расторжения брака. Данная проблема была актуальна и в контексте презумпции согласия супруга. Однако Конституционный Суд РФ в этом вопросе поставил точку, приняв Постановление от 13.07.2021 № 35-П и указав, что в случае совершения с общим имуществом сделки после расторжения брака (когда участники совместной собственности уже не являются супругами) нотариально удостоверенное согласие бывшего супруга получать не требуется [4].

Такую позицию вряд ли можно признать уместной применительно к тем случаям, когда брак был расторгнут, однако имущество не разделено. По сути, такой подход создаёт широкие условия для разного рода злоупотреблений.

В литературе обращается внимание на весьма существенные недоработки, содержащиеся в нормах отечественного законодательства о порядке распоряжения общим имуществом супругов. С одной стороны, российский законодатель вполне правомерно предусмотрел необходимость получения нотариально удостоверенного согласия второго супруга при совершении определённых категорий сделок. С другой стороны, многие нюансы им учтены не были, в том числе и возможность распоряжения имуществом, которое может существенно превышать стоимость недвижимости, но при этом не требует получения нотариально удостоверенного согласия [5, с. 327].

Указанная проблема, безусловно, требует внимания со стороны законодателя. И некоторыми авторами даже высказываются идеи о том, что ст. 35 целесообразно дополнить положениями, которые бы предусматривали в качестве обязательного условия для отчуждения некоторого дорогостоящего имущества именно получение нотариально удостоверенного согласия второго

супруга. При этом основным критерием таких сделок должна выступать именно стоимость соответствующего имущества [5, с. 328].

Примечательно, что в части принятия супругом на себя долговых обязательств действующее законодательство не содержит каких-либо норм, касающихся согласия (учёта мнения) второго супруга. В результате складываются условия, когда второй супруг может быть не осведомлён возникновении договорных обязательств у второго супруга, что наиболее ярко проявляется в случаях заключения договора займа [6, с. 67]. Причем договор займа может быть сопряжен и с передачей в залог весьма ценного имущества, распоряжение которым не требует получения нотариально удостоверенного согласия.

Довольно спорным остаётся вопрос и о том, в отношениях между кем действующее законодательство предусматривает презумпцию согласия второго супруга: между двумя супругами или между супругом и третьим лицом, с которым супруг заключает сделку по распоряжению общим имуществом. В этой связи в литературе оспаривается целесообразность презумпции согласия второго супруга применительно к отношениям между супругами. В частности, А.А. Добровинский пишет, что в отношении между супругом-продавцом и третьим лицом установление презумпции согласия второго супруга вполне объяснимо защитой гражданского оборота, и обеспечение его удобства здесь выступает основной целью. Однако, по мнению указанного автора, распространять такое толкование презумпции согласия на отношения между супругами неуместно [6, с. 72]. С этой позицией согласиться можно, ведь распространение презумпции согласия второго супруга на отношения именно между супругами, по сути, означает, что второй супруг, принимая решение о заключении сделки с кем-либо, не должен даже интересоваться мнением и получать согласие, пусть и устное, от другого супруга. Конечно же такой подход противоречит самой идее распоряжения общим имуществом по обоюдному

согласию. Тем не менее, он поддерживается и законодателем, и определённой частью исследователей.

С другой стороны, если бы законодатель исключил распространение указанной презумпции на отношения между супругами, то и в отношениях между супругом и третьей стороной могли бы тоже возникать некоторые трудности. По сути, возникало бы определённое обязательство у третьей стороны получать соответствующее подтверждение согласия второго супруга, что было бы чревато трудностями.

Поэтому не случайно законодательство в нынешнем его виде часто критикуется представителями адвокатского сообщества, особенно с учётом наличия реальных возможностей у супруга, намеревающегося в будущем расторгнуть брак, возможностей предпринять определённые действия, нацеленные на извлечение определённых имущественных выгод, в том числе за счёт второго супруга. Именно поэтому высказываются идеи о расширении круга имущественных объектов, распоряжение которым должно требовать получения обязательного согласия второго супруга [9].

Заключение

Презумпция согласия супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом не является безграничной, однако её пределы, по мнению автора, чрезмерно широки. Законодатель, устанавливая обязательность получения согласия на совершение сделки по распоряжению общим имуществом, распространяет ее лишь на сделки, предполагающие государственную регистрацию или нотариальное удостоверение; при этом стоимостные характеристики сделки игнорируются. В результате создаются условия, при которых супруг может быть не осведомлён о том, что другой супруг совершает весьма дорогостоящие сделки, но именно в отношении имущества, которое не подпадает под требования о нотариальном удостоверении или государственной регистрации.

С учётом этого предлагается пересмотреть ст. 35 СК РФ, дополнив ее нормой, предусматривающей в обязательном порядке получение согласия другого супруга на заключение сделки, если её цена превышает определённый установленный законом предел. Установление же такого предела может должно стать предметом дискуссий при обсуждении законопроекта. Автору же вполне разумным представляется такой предел установить в сумме 50 000 руб.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Аблятипова Н.А., Григорчук Н.В. Особенности согласия супругов на совершение сделок по распоряжению имуществом // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 11. С. 323-329.
6. Добровинский А.А. Некоторые аспекты толкования и применения ст. 35, 39, 45 СК РФ в судебной практике // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 63-73.
7. Лобзова А.В. Одностороннее волеизъявление и презумпция согласия при сделках с общим имуществом супругов // Юридическая наука. 2022. № 12. С. 53-58.

8. Пятина А.В., Слугина Е.И. Некоторые вопросы признания долговых обязательств общими обязательствами супругов // Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики : Сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 1 марта 2023 г.). Иркутск: Астерион, 2023. – С. 421-428.

9. Якупов Т. Презумпция согласия супругов на совершение сделок по распоряжению общим имуществом как фактор риска // Адвокатская газета. 04.07.2023. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumpsiya-soglasiya-suprugov-na-sovershenie-sdelok-po-rasporyazheniyu-obshchim-imushchestvom-kak/>

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1994. № 32. St. 3301.

2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 23.11.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 1. St. 16.

3. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda RF № 1 (2016) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 13.04.2016) // SPS «Konsul`tantPlyus».

4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.07.2021 № 35-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 1 stat`i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina E.V. Mokeeva» // SPS «Konsul`tantPlyus».

5. Ablyatipova N.A., Grigorchuk N.V. Osobennosti soglasiya suprugov na sovershenie sdelok po rasporyazheniyu imushhestvom // Byulleten` nauki i praktiki. 2023. T. 9, № 11. S. 323-329.

6. Dobrovinskij A.A. Nekotory`e aspekty` tolkovaniya i primeneniya st. 35, 39, 45 SK RF v sudebnoj praktike // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. T. 15. № 4. S. 63-73.

7. Lobzova A.V. Odnostoronnee voleiz`yavlenie i prezumpciya soglasiya pri sdelkax s obshhim imushhestvom suprugov // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 12. S. 53-58.

8. Pyatina A.V., Slugina E.I. Nekotory`e voprosy` priznaniya dolgovy`x obyazatel`stv obshhimi obyazatel`stvami suprugov // *Yurisprudenciya XXI veka: pozicii zakona, doktriny` i praktiki* : Sb. mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Irkutsk, 1 marta 2023 g.). Irkutsk: Asterion, 2023. – S. 421-428.

Yakupov T. Prezumpciya soglasiya suprugov na sovershenie sdelok po rasporyazheniyu obshhim imushhestvom kak faktor riska // *Advokatskaya gazeta*. 04.07.2023. URL: [https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumpsiya-soglasiya-suprugov-na-sovershenie-sdelok-po-rasporyazheniyu-obshchim-imushchestvom-kak-
/](https://www.advgazeta.ru/mneniya/prezumpsiya-soglasiya-suprugov-na-sovershenie-sdelok-po-rasporyazheniyu-obshchim-imushchestvom-kak-/)

Научная статья

УДК 347.44

ВИДЕОФИКСАЦИЯ ПРОЦЕССА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СДЕЛКИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Томчак Филиппа, Ph.D., профессор криминологии и уголовного правосудия факультета социологии и социальной политики, Ноттингемский университет, Ноттингем, Великобритания, tomchakphiluk@gmail.com

Аннотация

Видеофиксация процесса заключения сделки пока не получила достаточно широкого применения в договорной практике, а также в практике нотариальной. Однако нормы, позволяющие применять средства видеофиксации именно в процессе заключения сделок, были приняты ещё 10 лет назад. С учетом проблем практического использования данного инструмента в статье характеризуется состояние правового регулирования вопросов, касающихся использования видеофиксации в процессе заключения гражданско-правовых сделок. В том числе акцентируется внимание на подзаконных нормативных правовых актах, которые изобилуют недостатками. Особой проблемой автор считает отсутствие в изученных документах положений, которые бы предписывали отражать содержание подписываемого сторонами и удостоверяемого нотариусом документа на соответствующей видеозаписи. Тем не менее, сама тенденция расширения круга сделок с использованием видеофиксации в нотариальной практике характеризуется положительно. Автор указывает на недостаточно широкое применение средств видеофиксации, а также на наличие потребностей в использовании таких средств, в обоснование своей позиции приводя примеры судебной практики. Проанализировав состояние законодательства и правоприменительной практики, автор предлагает расширить круг сделок, по крайней мере удостоверяемых в нотариальном порядке требующих обязательной видеофиксации.

Ключевые слова: видеофиксация сделки, доказательства, предупреждение мошенничества, недействительность договора, нотариальные действия, порядок заключения сделки, сделки с недвижимостью

Статья поступила в редакцию 15.04.2025, одобрена после рецензирования 12.05.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

VIDEO RECORDING OF THE TRANSACTION CONCLUSION PROCESS: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION

**Philippa Tomczak, Ph.D., Professor of Criminology and Criminal Justice
(Faculty of Sociology and Social Policy), University of Nottingham, Nottingham,
United Kingdom**

Abstract

Video recording of the transaction conclusion process has not yet been widely used in contractual practice, as well as in notary practice. However, the rules allowing the use of video recording tools specifically in the process of concluding transactions were adopted 10 years ago. Taking into account the problems of practical use of this tool, the article describes the state of legal regulation of issues related to the use of video recording in the process of concluding civil law transactions. In particular, attention is focused on subordinate regulatory legal acts, which are full of shortcomings. The author considers a particular problem to be the absence of provisions in the studied documents that would prescribe reflecting the content of the document signed by the parties and certified by a notary on the corresponding video recording. Nevertheless, the very trend of expanding the range of transactions using video recording in notary practice is characterized positively. The author points to the insufficiently widespread use of video recording tools, as well as the need to use such tools, citing examples of judicial practice to substantiate his position. Having analyzed the state of legislation

and law enforcement practice, the author suggests expanding the range of transactions, at least those that are notarized and require mandatory video recording.

Keywords: video recording of a transaction, evidence, fraud prevention, invalidity of a contract, notarial actions, procedure for concluding a transaction, real estate transactions

Введение

Процесс заключения сделки зачастую оказывается более проблемным и несёт больше рисков, нежели процесс исполнения обязательств по ней. А потому вопрос фиксации процесса заключения сделки оказывается крайне актуальным, особенно в случаях, когда имеет место достаточно высокая цена сделки. Законодатель лишь сравнительно недавно предпринял меры, которые существенно расширили возможности для обеспечения так называемой юридической чистоты сделок, введя в законодательстве нормы о возможности осуществления видеофиксации. Однако регулирование этой области по-прежнему не лишено недостатков, которые и рассматриваются в настоящей статье, причём именно в контексте реализации возможности видеофиксации.

Основная часть

Гражданский кодекс РФ (ч. 1) [1] в ст. 434 допускает возможность заключения договора в любой форме при условии отсутствия специальных требований. При этом основное внимание уделяется именно договору, заключённому в письменной форме. Данную форму принято считать ключевой для подавляющего большинства сделок.

Использование такой формы. В большинстве случаев даёт возможность достоверно установить субъектов договорных обязательств, также содержание обязательств и прочие условия. Однако во многих случаях соблюдение простой письменной формы сделок оказывается недостаточным для того, чтобы эффективно фиксировать возникающие в рамках сделки обязательства. Именно поэтому видеофиксация все чаще используется в процессе заключения сделок.

Здесь надо сказать, что в 2018 г. ГК РФ (ч. 3) [2] был дополнен новыми положениями. В частности, ст. 1125 была дополнена пунктом 5.1, который предусмотрел возможность осуществления видеофиксации удостоверения совместного завещания супругов, но именно в практике нотариуса, причём при соблюдении условия, что супруги, как стороны сделки, не заявили своего возражения против видеофиксации.

Помимо того, норма о видеофиксации содержится и применительно к удостоверению наследственного договора, когда нотариус обязан осуществлять ее, но тоже при отсутствии возражения сторон, согласно ст. 1140.1 ГК РФ.

Таким образом, законодатель придерживается исключительно диспозитивного подхода к регламентации вопросов, касающихся использования видеофиксации в рамках процедуры заключения сделок. Причём применение такой процедуры является крайне ограниченным. Во всяком случае, официально её использование является обязательным лишь в практике совершения нотариальных действий.

Здесь нельзя не обратиться к Регламенту совершения нотариусом нотариальных действий [3], который содержит ряд весьма значимых положений. В контексте регулирования видеофиксации данный Регламент не содержит каких-либо строгих предписаний, указывая лишь на то, что нотариус должен при совершении нотариальных действий фиксировать наличие возражений сторон подлежащей видеофиксации сделки против осуществления видеофиксации.

В то же время в 2015 г. был принят Порядок использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации [4], где достаточно детально описана сама процедура видеофиксации, представлены ссылки на законодательные источники, изложены краткие требования.

П. 4 указанного документа признает материалы видеофиксации сведениями, которые составляют нотариальную тайну и подлежат соответствующей защите, согласно законодательству. Отсюда возникают

вопросы о том, имеют ли стороны право получить соответствующие материалы, на которых содержится результат видеофиксации?

В Разделе 2 «Видеофиксация» п. 5 указанного документа гласит, что нотариус имеет право применять стационарные средства видеофиксации, а также мобильные, причём как в помещении, так и вне помещения нотариальной конторы. Причём вопросы, касающиеся выбора конкретного средства видеофиксации, его модели, месторасположения и пр. определяются именно нотариусом. В этом плане он имеет достаточную свободу.

С одной стороны, такой подход создаёт некоторые удобства для самого нотариуса, однако, отсутствие чётких стандартов осуществления видеофиксации, на наш взгляд, является скорее негативным аспектом правового регулирования.

Важно подчеркнуть наличие в п. 7 рассматриваемого документа некоторых требований относительно процедуры видеофиксации. В частности, она должна отвечать следующим требованиям:

- лицо, от имени которого совершается нотариальное действие, должно попадать в обзор средства видеофиксации, и такому обзору не должны создавать препятствия какие-либо предметы;

- сама видеозапись должна содержать указания на дату и время её совершения;

- видеозапись должна также обеспечивать сохранение изображения без применения цифрового увеличения в формате, который позволяет идентифицировать лиц, от имени которых совершается нотариальное действие, с разрешением кадра в пикселях не менее чем 640 на 480.

Примечательно, но в рассматриваемом документе ничего не говорится о необходимости видеофиксации содержания документа, который подписывается сторонами и удостоверяется нотариусом. То есть можно полагать, что не все нюансы процедуры удостоверения сделки могут стать предметом видеофиксации.

Вызывает некоторые вопросы п. 12 рассматриваемого документ, который предписывает хранить материалы видеofиксации не менее 5 лет. Однако какие-либо юридические последствия, связанные со сделкой, влекущие возможность пересмотра её результатов, нельзя исключить и по прошествии этого срока. Поэтому данное требование тоже заставляет задуматься о многом.

То есть недостатков в регулировании процедуры видеofиксации в нотариальной практике масса. Однако, если учесть, что такой инструмент стал использоваться сравнительно недавно, несмотря на прошедшее десятилетие с момента его законодательной регламентации, можно дать положительную оценку.

И в этой связи есть все основания рассчитывать, что в ближайшее время регламентация процедуры совершения сделок будет становиться все более детальной, все более конкретной, обеспечивая более надёжную фиксацию процедуры заключения сделки.

Изложенное отражает состояние и возможности нотариальной практики в плане использования инструментов видеofиксации. Что же касается договоров, которые заключаются без участия нотариуса, для них использование средств видеofиксации остаётся крайне редким явлением. Хотя потребность в более широком использовании инструментов видеofиксации остаётся актуальной.

Здесь надо сказать, что хотя многие сделки заключаются посредством обмена сообщениями, письмами, путём подписания одного документа, что предусматривается нормами ГК РФ, все более популярным становится и заключение сделок путём обмена электронными сообщениями, предполагающими использование цифровых технологий. В определённом смысле это упрощает гражданский оборот. Такая практика сопряжена с массой рисков, которые остаются весьма разнообразными. Среди них, в частности, возможное уничтожение или искажение электронного документа, нарушение интересов какой-либо из сторон [9, с. 1060-1061]. Спектр рисков практически не ограничен, особенно если учесть вопрос идентификации личности. Тем не менее

возможности использования цифровых средств в процессе заключения сделок крайне широки и нередко ими пользуются также нотариусы, благодаря чему могут даже заключаться сделки о купле-продаже объектов недвижимости. В таком случае инструменты видеофиксации становятся неотъемлемыми в нотариальной практике.

Как пишет Т.А. Савельева, в случае дистанционного формата заключения сделок относительно объектов недвижимости процедура удостоверения сделки проходит на основе алгоритма, включающего, в частности:

- связь в формате видеоконференции, прочтение договора сторонами (представителями);
- подписание каждой из сторон своего экземпляра договора на бумажном носителе;
- подписание каждой из сторон договора простой электронной подписью;
- подписание нотариусами договора квалифицированной электронной подписью;
- завершение видеоконференции и регистрация записи нотариусами [9, с. 1070-1072].

Примечательно, что в таком случае остаётся открытым вопрос о том, надлежит ли записывать и сохранять видеоматериал, отражающий процесс видеоконференции. Этот нюанс остаётся неурегулированным.

В литературе средства видеофиксации принято рассматривать как некоторые дополнительные доказательства достоверности фактов, применяемые нотариусом [10, с. 58]. То есть о их ключевой роли речи пока не ведётся.

Примечательно, что в рамках гражданского оборота применение средств видеофиксации используется достаточно широко, но для весьма специфических целей, особенно в случаях, когда имеется необходимость зафиксировать сам процесс приобретения того или иного товара. Например, практически всегда средства видеофиксации применяются компаниями, осуществляющими приобретение контрафактного товара в целях дальнейшего доказывания.

нарушения интеллектуальных прав. Свидетельствующем об этом примеры судебной практики встречались уже более 10 лет назад [5]. Причём такая практика сохранилась и до настоящего времени постановление [7].

Это тот случай, когда в рамках совершения гражданско-правовой сделки контрагент не уведомляется об осуществляемой съёмке, что вызывает определённые вопросы. Хотя, если рассматривать этот нюанс с позиции отношений потребительских, то совершение видеофиксации представляется вполне правомерным.

Надо сказать, что во многих случаях процедура подписания и нотариального удостоверения сделок с недвижимостью не становится предметом видеофиксации. При этом нотариусы ссылаются на отсутствие сомнений в волеизъявлении и намерении сторон, а также в отсутствии соответствующей просьбы об осуществлении видеофиксации от сторон [6]. Однако такой подход не способствует исключению последующих споров относительно совершаемых сделок.

В российских законодательных органах эта проблема давно находится в центре внимания. И в этом плане государство внедряет весьма значимые изменения, хотя и медленно. В частности, с июля 2026 г. предполагается применять биометрические данные в случае удостоверения сделок с недвижимостью. Аргументы в пользу такого решения в законодательных органах объясняют достаточно высоким уровнем преступности в сфере купли-продажи недвижимости [11].

Такое решение можно оценить положительно, однако вопрос неиспользования средств видеофиксации при совершении дорогостоящих сделок остаётся пока открытым.

Довольно актуален этот процесс и в контексте совершения сделок. С использованием электронных средств коммуникации, когда имеют место тоже достаточно высокие риски, в том числе связанные с проблемами доказывания

факта заключения договора, сохранности и неизменности данных, представленных в нём [8, с. 261].

Заключение

Видеофиксация в качестве средства обеспечения доказуемости самого факта заключения сделки нуждается в более подробном законодательном регулировании, а также в распространении практики применения такого метода на более широкий круг сделок. Поэтому предлагается внести в ГК РФ изменения, дополнив его нормами, детализирующими основные требования к применению инструментов видеофиксации сделок.

Считаем необходимым предусмотреть обязательную видеофиксацию для каждой сделки, удостоверяемой нотариусом, что должно исключить возможность оспаривания его действий, как и самих удостоверяемых сделок.

Кроме того, есть необходимость обеспечить хотя бы краткое регулирование порядка использования средств видеофиксации при совершении сделок, которые не удостоверяются нотариусом.

Также представляется необходимым введение правила об обязательном осуществлении видеофиксации процесса совершения сделки в дистанционном формате, когда коммуникация обеспечивается нотариусом в режиме видеоконференции. Действующее законодательство и подзаконные нормы, предусматривая обязательность проведения видеоконференции, не предполагают сохранения соответствующих видеозаписей, и данный подход следует пересмотреть.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий (утв. Приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 30.01.2025)) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 07.09.2017, № 0001201709070015.
4. Порядок использования нотариусами средств видеофиксации и хранения материалов видеофиксации (утв. решением Правления ФНП, протокол от 17.11.2015 № 15/15) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2016 № 17АП-3537/2016-ГК // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 по делу № 88-10351/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2025 № 01АП-278/2025 по делу № А39-10624/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Епифанцев А.В., Петров С.Н. Современные электронные средства и формы сделок // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. С. 260-263.
9. Савельева Т.А. Дистанционные способы совершения сделок с использованием цифровых технологий // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. Т. 1, № 4. С. 1058-1086.
10. Фрик О.В. Создание бесспорных доказательств как одна из основных функций нотариата // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 2. С. 55-63.
11. В Госдуме предложили сделать обязательной видеофиксацию сделок с недвижимостью (11 июля 2025 г.) // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/article/4591105>

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 № 146-FZ (red. ot 08.08.2024) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 49. St. 4552.
3. Reglament soversheniya notariusami notarial'ny'x dejstvij (utv. Prikazom Minyusta Rossii ot 30.08.2017 № 156 (red. ot 30.01.2025)) // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 07.09.2017, № 0001201709070015.
4. Poryadok ispol'zovaniya notariusami sredstv videofiksacii i xraneniya materialov videofiksacii (utv. resheniem Pravleniya FNP, protokol ot 17.11.2015 № 15/15) // SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Postanovleniem Semnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 05.05.2016 № 17AP-3537/2016-GK // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 12.05.2020 po delu № 88-10351/2020 // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25.02.2025 № 01AP-278/2025 po delu № A39-10624/2023 // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Epifancev A.V., Petrov S.N. Sovremennyy'e e'lektronny'e sredstva i formy sdelok // Mezhdunarodny'j zhurnal gumanitarny'x i estestvenny'x nauk. 2018. № 4. S. 260-263.
9. Savel'eva T.A. Distancionny'e sposoby soversheniya sdelok s ispol'zovaniem cifrovyy'x texnologij // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1, № 4. S. 1058-1086.
10. Frik O.V. Sozdanie bessporny'x dokazatel'stv kak odna iz osnovny'x funkcij notariata // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. T. 18, № 2. S. 55-63.
11. V Gosdume predlozhili sdelat' obyazatel'noj videofiksaciyu sdelok s nedvizhimost'yu (11 iyulya 2025 g.) // Setevoe izdanie «Vesti.Ru». URL: <https://www.vesti.ru/article/4591105>

Научная статья

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ФАКТА ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ (ОКАЗАНИЯ УСЛУГ) БЕЗ СОСТАВЛЕНИЯ АКТА О ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТАХ (ОКАЗАННЫХ УСЛУГАХ)

Гумбатов Эльнур Акиф, к.ю.н.; преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Права человека и информационное право» юридического факультета, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, elnurgumbat.az@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является рассмотрение проблемных вопросов подтверждения факта выполнения работ без составления акта о выполненных работах и разработка рекомендаций по совершенствованию норм действующего законодательства, регулирующего данные вопросы. Круг этих вопросов определяется во многом на основе содержания норм Гражданского кодекса РФ, регламентирующей порядок фиксации результатов выполнения работ (оказание услуг). Одной из особенностей правового регулирования, создающей определённые трудности в правоприменении, является неоднозначно конкретное разграничение договоров подряда и возмездного оказания услуг: и один, и другой, как правило, основаны на определённых работах, несмотря на наличие некоторых различий, в результате чего вопрос об обязательности составления по результатам работ соответствующего акта становится спорным. Однако для случаев оказания услуг составление акта является необязательным, что позволяет использовать иные средства подтверждения. В судебной практике сложились определённые взгляды относительно использования таких средств, анализируемые в статье. С учетом анализа автор предлагает дополнить Гражданский кодекс РФ нормой, позволяющей факт отсутствия обоснованных претензий к качеству и объёму работ рассматривать как подтверждение факта выполнения работ.

Ключевые слова: договорные обязательства, договор возмездного оказания услуг, договор подряда, доказательства исполнения обязательств, исполнение обязательства, работы, услуги

Статья поступила в редакцию 24.04.2025, одобрена после рецензирования 17.05.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF CONFIRMING THE FACT OF WORK (PROVISION OF SERVICES) WITHOUT DRAWING UP A REPORT ON THE WORK PERFORMED (SERVICES RENDERED)

Elnur Gumbatov, Candidate of Law; Lecturer of the UNESCO Department of Human Rights and Information Law of the Law Faculty, Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract

The purpose of the article is to consider problematic issues of confirming the fact of work performed without drawing up an act on completed work and to develop recommendations for improving the norms of current legislation governing these issues. The range of these issues is determined largely on the basis of the content of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, which regulates the procedure for recording the results of work (provision of services). One of the features of legal regulation that creates certain difficulties in law enforcement is the ambiguously specific distinction between contract contracts and paid services: both are usually based on certain works, despite the presence of some differences, as a result of which the issue of the obligation to draw up an appropriate act based on the results of the work becomes controversial. However, for cases of rendering services, the drawing up of an act is optional, which allows the use of other means of confirmation. There are certain views in judicial practice regarding the use of such tools, which are analyzed in the article. Taking into account the analysis, the author proposes to supplement the Civil

Code of the Russian Federation with a norm that allows the fact that there are no substantiated claims to the quality and volume of work to be considered as confirmation of the fact that work has been performed.

Keywords: contractual obligations, contract for the provision of paid services, contract agreement, evidence of fulfillment of obligations, fulfillment of obligations, works, services

Введение

Подтверждение факта выполнения работ играет крайне важную роль в соответствующих договорных правоотношениях, ведь именно с решением этой задачи связано множество теоретических и практических проблем, ввиду чего избранная тема представляется актуальной.

Многие аспекты, касающиеся подтверждения факта выполнения работ, законодатель урегулировал недостаточно конкретно, а потому они становятся источником трудностей с точки зрения и договорной практики, и судебного правоприменения, научно-теоретического исследования. Особенно проблемным является вопрос подтверждения факта выполнения работ (оказания услуг) без оформления соответствующего акта о выполненных работах (оказанных услугах).

Целью статьи является рассмотрение проблемных вопросов подтверждения факта выполнения работ без составления акта о выполненных работах и разработка рекомендаций по совершенствованию норм действующего законодательства, регулирующего данные вопросы.

Основная часть

Нормативное регулирование правоотношений, который связаны с подведением итогов исполнения обязательств в рамках договоров о выполнении работ или оказании услуг обеспечивается в первую очередь нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) [1] (далее – ГК РФ).

Так, ст. 720 ГК РФ применительно к общим нормам о договоре подряда упоминает об «акте либо ином документе, удостоверяющем приёмку».

В ст. 753 ГК РФ применительно к договору строительного подряда вопросы сдачи-приёмки работ регламентированы более конкретно, и однозначно предполагают необходимость подписания двустороннего или же в исключительных случаях одностороннего акта сдачи или приёмки результата работ.

Здесь вполне уместно затронуть соответствующие правоотношения как в рамках подряда, так и в рамках возмездного оказания услуг, особенно с учетом того что зачастую договоры о подряде (о выполнении работ) и договоры об оказании услуг крайне проблематично разграничить, о чем пишет, например, О.П. Казаченок [10]. И несмотря на относительную давность высказанного мнения, на сегодняшний день оно продолжает оставаться актуальным, поскольку законодатель чётких различий между рассматриваемыми договорами, так или иначе предполагающими выполнение работы (в гражданско-правовом смысле), не обозначил нормативно [9]. А правоприменительная практика исходит из того, что окончательное решение о правовой оценке договора обуславливается его фактическим содержанием, а не формальным наименованием, которое избрали стороны.

Более того, в правоприменительной практике имеет место весьма примечательная особенность: в отдельных случаях сделка, именуется именно договором оказания услуг, а по его результатам составляется акт выполненных работ [7]. То есть разграничиваемые формально в нормах ГК РФ работы и услуги на практике зачастую рассматриваются как одно и то же правовое явление. Это означает, что вопрос подтверждения факта выполнения обязательств исполнителя без составления соответствующего акта актуален и применительно к тем случаям, когда имеет место фактическое выполнение подрядных работ, именуемое предоставлением услуг.

Однако, если в рамках подряда имеет место относительно конкретное регулирование, в том числе указание на акт, удостоверяющий приёмку, то применительно к услугам столь однозначных требований нет.

В целом учитывая изложенные условия применимо к подавляющему большинству случаев подведения итогов исполнения обязательства по выполнению работ или оказанию услуг, акт о выполнении работ или о сдаче-приёмке работ можно считать обязательным, но лишь условно. И нормы законодательства, и договорная, а также судебная практика свидетельствуют о наличии возможности решения вопроса о приёмке-сдаче без составления соответствующего акта.

При этом особо важным считаем подчеркнуть, что вопрос юридического подтверждения факта выполнения работы, оказания услуги зачастую является и вопросом обеспечения экономической безопасности субъекта соответствующих правоотношений [10], ведь именно факт выполнения работы даёт основание для получения (требования) оплаты результата или основание для признания правомерности получения аванса (предоплаты).

В этой связи примечательно, что в отдельных весьма крупных исследованиях, например, в диссертации М.Г. Назаровой, посвящённой именно вопросам исполнения обязательств из договора возмездного оказания услуг, аспекты подтверждения соответствующего факта оказания услуг практически не затрагиваются [11].

В целом рассматриваемая проблема состоит в том, что нормы действующего законодательства применительно к договору возмездного оказания услуг прямо не предусматривают акт в качестве документа, который стороны обязаны составить по итогу. Однако такой документ ими может быть составлен [10], особенно с учётом того, что на такие правоотношения по могут быть распространены и нормы о подряде. То есть вопрос подтверждения факта выполнения работы или оказания услуг является вопросом:

- личных предпочтений;

- обеспечения безопасности и соблюдения юридически установленного порядка оформления правоотношений;
- удобства гражданского оборота.

В таком случае возникает вопрос о том, каким же именно способом возможно подтвердить сам факт выполнения работы или оказания услуги, если закон применительно к соответствующей работе не требует обязательного подписания?

В подавляющем большинстве случаев, исходя из сложившейся судебной практики, факт выполнения работ, как и факт оказания услуг, подтверждают соответствующим актом. В отдельных случаях акт дополняется и некоторыми другими документами, в частности, отчётом [6]. Из этого можно полагать, что отчёт в отдельности может быть использован в качестве средства подтверждения факта проведенных работ, когда закон прямо не обязывает подтверждать исполнение договорных обязательств соответствующим актом. То есть отчёт может быть как основным, так и дополнительным средством подтверждения.

Стоит учесть позицию верховного суда РФ, который в одном из своих определений, поддерживая доводы исполнителя, подчеркнул отсутствие претензий со стороны заказчика к качеству и объёму выполненных работ, исходя из этого результат работ был расценен как принятый заказчиком и имеющий для него потребительскую ценность [4].

Это даёт возможность сам факт отсутствия обоснованных претензий со стороны заказчика к качеству и объёму работ рассматривать как подтверждение факта их надлежащего выполнения. Думается, что соответствующие условия должны быть включены и в договор, если, конечно, закон не требует в конкретном случае по результатам работ или оказания услуг составлять соответствующий акт.

Довольно значимым обстоятельством является подтверждение произведённых трудозатрат и себестоимости, что тоже следует из материалов судебной практики, когда суд подчеркнул на отсутствие «иных надлежащих,

достоверных и бесспорных доказательств», подтверждающих факт выполнения работ именно на конкретную сумму [8]. Это означает, что выполняя те или иные работы или оказывая услуги, исполнителю целесообразно иметь соответствующее подтверждение того, что он понёс те или иные затраты, а также подтверждение наличия возможности оказывать ту или иную услугу или производить ту или иную работу.

Довольно значимым подтверждением производимых работ или оказываемых услуг можно считать фото- и видеоматериалы, на что тоже указывает судебная практика [5]. Конечно, такие материалы должны быть максимально грамотно зафиксированы и оформлены, что исключало бы возможность их отклонения судом или сомнения в точности и достоверности содержащихся в них данных.

Безусловно, когда стороны не оговаривают в качестве условия оформления результатов работ подписание соответствующего акта, принципиально важно учитывать все потенциальные риски. Исходя из этого, любая документация, которая отражает или может отражать деятельность исполнителя именно в контексте выполнения конкретных работ, представляет большую ценность. В связи с этим любые источники, где фиксируется активность исполнителя по поводу обязательств, вытекающих из конкретного договора, могут быть использованы в качестве средств подтверждения. Соответственно, любые документы, отражающие понесённые исполнителем затраты, привлечение работников, планирование работ, дачу заданий (поручений, указаний), в целом процесс проведения работ, промежуточные и конечные итоги – все это может оказаться крайне значимым.

В случае, когда возникнет необходимость доказывания самого факта исполнения обязательств о выполнении работ, немаловажную роль играет и подтверждение их стоимости, поскольку суды зачастую исходят не из суммы, оговорённой в конкретном договоре, а именно из возможности (способности)

исполнителя подтвердить не только сам факт выполнения им работ, но и их соответствие указанной в договоре стоимости.

Однако, например, свидетельские показания [2] или косвенные доказательства [3] чаще всего российскими судами расцениваются как несостоятельные, поскольку ни одни, ни другие не могут достоверно свидетельствовать о самом факте проведённых работ (оказанных услуг), их объеме, стоимости, прочих юридически значимых характеристик.

Заключение

Федеральное законодательство, таким образом, не даёт однозначного ответа на вопрос о возможности подтверждения факта выполненных работ или оказанных услуг в отсутствие акта в выполненных работах (оказанных услугах) в каждом конкретном случае. Однако использования иных, отличных от акта средств, в целом не запрещено, что следует из норм законодательства, и их материалов судебной практики. Вопрос лишь в достоверности, объективности и законности использования таких средств.

Принципиально важным условием использования иных средств подтверждения факта выполнения работы для оказания услуг в отсутствие соответствующего акта является отсутствие прямого указания в законе на то, что исполнение обязательств по конкретному договору фиксируется актом приемки и передачи результатов работ (услуг). Тогда могут быть использованы любые не запрещенные законом средства, в том числе отчеты, фото-, видеоматериалы и пр.

Для полноценного и безрискового использования иных инструментов в целях подтверждения факта выполнения работ (оказания услуг) следует включать в договор, не предполагающий подписания акта сдачи-приемки результата работ, нормы о конкретном выбранном инструменте (способе). В этой связи и законодателю целесообразно дополнить ГК РФ нормой об обязательном включении в такого рода договоры нормы указанного содержания.

С учетом практики Верховного Суда РФ, представляется вполне допустимым включать в договор норму, дающую право расценивать отсутствие

поступления обоснованных претензий от заказчика к исполнителю в установленный срок как факт приемки результатов работ и их соответствие условиям договора по объему и качеству.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Определение Верховного Суда РФ от 21.10.2020 № 310-ЭС20-16076 по делу № А84-3639/2019 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
3. Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2021 № 301-ЭС21-24033 по делу № А28-11569/2020 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
4. Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2022 № 305-ЭС22-12994 по делу № А40-214957/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.02.2022 № Ф01-35/2022 по делу № А82-20841/2020 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2024 по делу № А40-10965/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310022597>
7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11.04.2025 года по делу № А41-16615/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312507568>
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 05.10.2018 по делу №А40-63742/18-83-321 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
9. Иловайский И.Б., Давтян-Давыдова Д.Н. Проблема понятия услуги и критерии ее отграничения от работы в контексте действующего гражданского законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-2(79). С. 87–92.

10. Казаченок О.П. Экономическая безопасность контрагента при фактическом исполнении договора возмездного оказания услуг // Национальная безопасность России и проблемы ее обеспечения на современном этапе : сб межд. научн.-практ. конф. (г. Волгоград, 18.04.2014) / Ред. колл.: А.С. Сенцов, В.Н. Тронева. – Волгоград: РАНХиГС при Президенте РФ (Волгоградский филиал), 2015. С. 99–104.
11. Назарова М.Г. Исполнение обязательства из договора возмездного оказания услуг: дис. .. канд. юрид. наук. М., 2022. 195 с.

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996. № 5. St. 410.
2. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 21.10.2020 № 310-E`S20-16076 po delu № A84-3639/2019 // Kartoteka arbitrazhny`x del. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
3. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 01.12.2021 № 301-E`S21-24033 po delu № A28-11569/2020 // Kartoteka arbitrazhny`x del. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
4. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 08.08.2022 № 305-E`S22-12994 po delu № A40-214957/2021 // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 18.02.2022 № F01-35/2022 po delu № A82-20841/2020 // Kartoteka arbitrazhny`x del. URL: <https://kad.arbitr.ru/>
6. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 30.10.2024 po delu № A40-10965/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310022597>
7. Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 11.04.2025 goda po delu № A41-16615/2024 // Arxiv reshenij arbitrazhny`x sudov i sudov obshhej yurisdikcii. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312507568>
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy` ot 05.10.2018 po delu №A40-63742/18-83-321 // Kartoteka arbitrazhny`x del. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

9. Иловajский I.Б., Давтян-Давы`дова D.N. Problema ponyatiya uslugi i kriterii ee otgranicheniya ot raboty` v kontekste dejstvuyushhego grazhdanskogo zakonodatel`stva // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2023. № 4-2(79). S. 87–92.

10. Kazachenok O.P. E`konomicheskaya bezopasnost` kontragenta pri fakticheskom ispolnenii dogovora vozmeznogo okazaniya uslug // Nacional`naya bezopasnost` Rossii i problemy` ee obespecheniya na sovremennom e`tape : sb mezhd. nauchn.-prakt. konf. (g. Volgograd, 18.04.2014) / Red. koll.: A.S. Senczov, V.N. Troneva. – Volgograd: RANXiGS pri Prezidente RF (Volgogradskij filial), 2015. S. 99–104.

Nazarova M.G. Ispolnenie obyazatel`stva iz dogovora vozmeznogo okazaniya uslug: dis. .. kand. yurid. nauk. M., 2022. 195 s.

Научная статья

УДК 347.9

ДОКТРИНА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА И ОРИЕНТИР ДЛЯ СУДА ПРИ ОБОСНОВАНИИ ЕГО ПОЗИЦИИ

**Щербик Дмитрий, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь, dshcherb_mnsk@bk.ru**

Аннотация

Целью статьи является уточнение фактического значения доктрины как источника права и ориентира для суда при обосновании его позиции. Проблема определяется тем фактом, что указанный феномен демонстрирует свою двойственность, обусловленную возможностью понимания доктрины и как обязательного юридического документа, содержащего правовые нормы, и как теоретической основы, включающей научные труды и практические материалы, используемые в практике правотворчества и судопроизводства. Конкретные критерии правовой оценки такого источника отсутствуют в законе. Тем не менее, основные подходы, встречаются в правотворчестве и науке, выделены в статье, им дана авторская оценка. Принципиальным названо противоречие между пониманием феномена доктрины в судебных актах и в рамках подзаконного нормативного регулирования. При рассмотрении распространенного в судебной практике подхода приведены некоторые судебные акты. Подход, применяемый в нормативном правовом регулировании, проиллюстрирован на основе указов Президента РФ, утвердивших ряд доктрин государственной политики на федеральном уровне. Изложены предложения, характеризующие авторские взгляды на понятие доктрины и её роль как ориентира для суда, в том числе с обоснованием целесообразности сохранения подходов, используемых ныне судами.

Ключевые слова: доктрина, источник права, неформальный источник права, обоснование позиции суда, правовая система, правовые ориентиры

Статья поступила в редакцию 12.03.2025, одобрена после рецензирования 23.04.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

DOCTRINE AS A SOURCE OF LAW AND A GUIDELINE FOR THE COURT IN SUBSTANTIATING ITS POSITION

Dmitry Shcherbik, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The purpose of the article is to clarify the actual meaning of the doctrine as a source of law and a guideline for the court in substantiating its position. The problem is determined by the fact that this phenomenon demonstrates its duality due to the possibility of understanding the doctrine both as a binding legal document containing legal norms and as a theoretical framework that includes scientific papers and practical materials used in the practice of law-making and judicial proceedings. There are no specific criteria for the legal assessment of such a source in the law. Nevertheless, the main approaches found in law-making and science are highlighted in the article, they are given an author's assessment. The contradiction between the understanding of the doctrine phenomenon in judicial acts and in the framework of subordinate regulatory regulation is called fundamental. When considering the approach common in judicial practice, some judicial acts are given. The approach used in regulatory legal regulation is illustrated on the basis of the decrees of the President of the Russian Federation, which approved a number of public policy doctrines at the federal level. The proposals characterizing the author's views on the concept of doctrine and its role as a guideline for the court are presented, including justifying the expediency of preserving the approaches currently used by the courts.

Keywords: doctrine, source of law, informal source of law, justification of the court's position, legal system, legal guidelines

Введение

Феномен доктрины в современном праве имеет очень неопределённое значение. С одной стороны, доктрина рассматривается как некая научная основа для формирования тех или иных правовых взглядов на правовую проблематику и условно может стать основой для разработки и принятия нормативных правовых актов (далее – НПА). Тем не менее, отсутствие упоминания о доктрине (доктринальных источниках) в Основном Законе страны, подавляющем большинстве федеральных законов и подзаконных НПА, даёт основания для её рассмотрения лишь как некой неформальной основы. Упоминание о доктрине в отдельных актах, имеющих правовое значение, не позволяет полностью игнорировать и отрицать ее роль в правовой системе государства. Она не может рассматриваться как исключительно научно- теоретическая ценность, не играющая никакой нормативной роли.

Такая двойственность взглядов на доктрину означает и необходимость поиска ответа на вопрос о её подлинной правовой природе и юридическом значении в правовой системе государства.

Целью статьи является уточнение фактического значения доктрины как источника права и ориентира для суда при обосновании его позиции.

Основная часть

Из всего множества определений, встречающихся в юридической литературе, достаточно выбрать некоторые, которые в общем виде отражают всю широту взглядов на феномен доктрины, которые имеют место быть в отечественном праве. И среди определений, которые с теоретической точки зрения наиболее точно характеризуют понятие доктрины, отметим формулировку, предложенную В.И. Слободчиковым. Он описывает доктрину в качестве главного идеологического документа, используемого при формировании государственной политики, соответственно, в качестве некоторого фундамента любого нормативно-правового акта в определенной сфере отношений [11, с. 25–26].

То есть основными качествами доктрины указанный автор считает ее способность быть основой для всех последующих НПА и идеологичность. Последнее качество представляется важным не только с точки зрения обеспечения нормативного регулирования, но и с точки зрения решения задач правового воспитания.

Научный аспект доктрины в данном случае не подчеркнут, однако это не значит, что он отсутствует вовсе. Более того, научный аспект в отдельных случаях, когда имеют место ссылки на доктрину, даже является преобладающим над нормативно-правовым (регулятивным) аспектом. Этот нюанс будет показан при анализе судебной практики в рамках настоящей статьи позднее.

А.А. Васильев правовую так сущность юридической доктрины усматривает в отражаемой в ней правовой действительности, а также в выполнении доктриной идеологической и воспитательной функций, обеспечивающих возможность регулирования общественных отношений. При этом, по мнению данного автора, доктрина представляет собой систему идей о праве, которые выражают определённые социальные интересы. Сами же идеи доктрины он понимает как официально признаваемые государством обязательными путём ссылки на труды авторитетных знатоков права в нормативно-правовых актах или юридической практикой в силу их авторитета и общедоступности. Также, по мнению А.А. Васильева, доктрина представляет и объективированный источник права [7, с. 7].

Такие взгляды в общем-то можно считать обоснованными. Более того, они заслуживают в целом поддержки. Но с некоторыми нюансами автор статьи все же считает возможным не согласиться. Например, объективированный характер доктрины не вполне понятен, поскольку судебный орган, ссылаясь на труды тех или иных исследователей, во многом остаётся субъективным, по крайней мере, при решении вопроса о том, на какой именно источник, относимый к доктрине, следует сослаться.

Особенно субъективная составляющая становится заметной, если учесть, что определение научной значимости каждой конкретной научной работы – это вопрос субъективных взглядов, и лишь некоторые из них объективируются в рамках нормативно-правового признания.

Согласимся мнением В.В. Шаханова в том, что понятие правовой доктрины в целом синонимично понятию юридической доктрины, и образуют её не все источники, которые составляют юридическую науку, а лишь те из них, которые можно назвать наиболее авторитетными, получившими широкую поддержку в научном сообществе. Это также и определённое учение или теория, результат системного изложения определённых взглядов. Итоги же побочной деятельности, представленные разовыми высказываниями, оценками, доктрину не составляют [12, с. 27].

Несмотря на то, что в целом в рамках данной статьи позиция указанного автора в части взглядов на феномен доктрины поддерживается, нельзя не отметить некоторые весьма спорные аспекты.

Во-первых, не совсем понятно, что именно следует расценивать в качестве широкой поддержки научного сообщества. Если цитируемость, показатели цитирования научных публикаций, то возникает вопрос о том, какие именно показатели брать за ориентир? Является ли достаточным признание того или иного автора кандидатом, доктором наук, чтобы его труды цитировать как доктринальный источник? На эти и многие другие связанные вопросы можно ответить лишь субъективно. Например, автор полагает, что диссертацию кандидата юридических наук, как и диссертацию доктора юридических наук, вполне уместно цитировать в качестве доктринального источника.

Однако, большинство научных публикаций имеют иной статус: это научные статьи, монографии, учебники, словари и пр. Причем в них тоже зачастую отражена информация не менее значимая, нежели информация, представленная в диссертациях. Можно ли их использовать в качестве доктринальной основы? Вопрос спорный.

На основе обобщения различных взглядов, выражаемых в научных трудах, выделены несколько позиций относительно понимания сущности доктрины. Первая группа авторов полагает, что доктрина не должна рассматриваться как официальный источник российского права. Вторая группа авторов считает, что позиции учёных, отрицающих важную роль доктрин, не может однозначно ни поддерживаться, ни опровергаться. Третья группа исследователей предлагает рассматривать доктрину как официальный источник права [9].

Здесь, конечно же, не учтён тот факт, что некоторые источники, имеющие нормативное воплощение сами именуется доктриной, и очевидно, что речь в данном случае идёт именно не о них, а именно о научно-теоретических трудах. В этой связи уместно согласиться с теми, кто усматривает доктрину в качестве некоторого промежуточного элемента.

Нельзя усомниться в том, что сам феномен доктрины по своей природе чрезвычайно многоаспектен, что подчёркивается и в литературе [8, с. 47]. Именно эта особенность доктрины как источника права и источника научно-теоретических идей затрудняет понимание ее природы и правовой роли. Поэтому уместно отметить двойственность феномена доктрины. То есть доктрина может быть рассмотрена и в контексте науки, и в контексте правовых источников, издаваемых органами государственной власти.

Нельзя не упомянуть и о возможности рассмотрения доктрины в широком и узком аспектах. Если говорить о доктрине широко, то она является некоторой системой ключевых теоретических концепций, определяющих вектор развития отечественного права. Это и различные политические документы, разрабатываемые органами власти, и теоретические труды, и идеи, выражаемые в научных исследованиях. В узком же смысле доктрину представляют позиции компетентных органов, наделённых властью по поводу принципов и прочих базовых положений, получивших официальное признание, формальное определение. В этой связи к доктрине можно отнести, например, позиции, изложенные в актах Конституционного Суда РФ. Думается, что в качестве

доктринальных положений можно рассматривать и идеи, отражённые в ежегодных посланиях Президента РФ федеральному собранию. В таком случае доктринальный статус научных исследований может быть поставлен под сомнение. Однако, учитывая сложившуюся судебную практику, данный взгляд был бы ошибочен.

В настоящее время официально действует достаточно широкий круг доктрин, отражающих государственную политику Российской Федерации и принимаемых на федеральном уровне, прежде всего, Президентом РФ. Ярким примером является Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» [1]. В нём говорится, в частности, что это документ стратегического планирования, отражающий совокупность официальных взглядов на национальную политику и деятельность. Это доктрина в максимально узком смысле слова. Однако было бы правильнее сказать, что это акт Президента даёт более точные представления о его роли как нормативного акта и о его месте в иерархии НПА, закреплённой в Конституции РФ.

Суды исходят из более широкого понимания термина «доктрина», что очевидно при обращении к многим материалам судебной практики, отражающим рассмотрение вопросов, не в полной мере урегулированных нормами российского законодательства или же урегулированных, но носящих во многом спорный характер.

Например, в Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека, подготовленном Верховным Судом РФ, была отмечена позиция, в рамках которой отмечены различия между договаривающимися государствами с точки зрения права обычаев, доктринальных концепций, а также судебных решений и постановлений [Обзор]. Это обстоятельство придаёт доктрине определённый правовой вес, причём вполне конкретно отграничивая доктрину от права.

Но опять же, доктрина доктрине рознь. Если научная доктрина обязательных положений не содержит, то доктрина, утверждённая субъектами, наделёнными властью, например, Военная доктрина, является строго обязательным документом, поскольку отражает не только официальные взгляды, но и обязательные требования [10, с. 109].

Особенно интересны для уяснения сущности доктрины материалы судебной практики. Так, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд упомянул в одном из своих постановлений «ряд доктринальных источников», среди которых были научные статьи, представленные в периодических юридических изданиях, учебники учебные пособия, материалы научно-практических конференций. Исходя из этого, суд рассматривал вопрос о тождестве исков [4].

В рамках другого дела Арбитражный суд Северо-Кавказского округа «счел необходимым обратиться и к доктрине гражданского права», ссылаясь при этом на «доктринальные источники» [3].

Интересно, что Девятый арбитражный апелляционный суд так же обращался к доктрине, причём в категории доктринальных источников он перечислил не только статьи профессоров, на которые ссылался ответчик, но и акты экспертиз и заключения специалистов [5].

Частое обращение к доктринальным источникам обусловлено в том числе, отсутствием прямого законодательного запрета ссылаться на них, в частности, при подготовке заключений экспертиз [6]. Это означает и возможность суда также ссылаться на доктринальные источники.

Заключение

Подводя итог, можно отметить двойственность понятий «доктрина» и «доктринальный источник» в силу именованья отдельных НПА доктриной и научно-теоретических трудов (диссертаций, научных статей, монографий, учебников и пр.), отражающий определенные взгляды не отдельные правовые вопросы. И если относительно первых сомнений нет – они однозначно являются

ориентирами в разрешении юридических ситуаций, по вторые ставятся под сомнение.

Однако, законодательство прямо не запрещает ссылаться на доктринальные источники, представленные научной (научно-теоретической) литературой, поэтому их вполне уместно использовать как некоторый ориентир при разрешении спорных ситуаций, которые не получили правового регулирования в законодательных или подзаконных НПА.

Субъектам, осуществляющим регулирование судопроизводства, есть необходимость уточнить круг признаков, при наличии которых источник может быть отнесен к категории доктринальных, которые могут использоваться судами в качестве ориентира при неурегулированности определённых аспектов. Ориентироваться в этом случае целесообразно на показатели цитирования.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 31. Ст. 5699.
2. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2020) (подг. Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.04.2025 по делу № А53-13577/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312673101> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2020 по делу № А32-23557/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/565725457> (дата обращения: 19.02.2025).

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2020 по делу № А40-77884/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/573318258> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.12.2023 по делу № А40-274839/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304497809> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 28 с.
8. Латынин О.А. К вопросу об определении понятия правовой доктрины и соотношении правовой доктрины с близкими понятиями // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 44–49.
9. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 90.
10. Пенжалиев З.Г. К вопросу о правовом статусе Военной доктрины Российской Федерации // Право: история и современность. 2020. № 4 (13). С. 108–115.
11. Слободчиков В.И. Национальная доктрина образования РФ: статус и смысл // Народное образование. 2022. № 4 (1493). С. 25–27.
12. Шаханов В.В. Юридическая доктрина как правовой метафеномен и источник права // Право и современные государства. 2023. № 4. С. 25–33.

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 31.07.2022 № 512 (red. ot 13.08.2024) «Ob utverzhdenii Morskoj doktriny` Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2022. № 31. St. 5699.

2. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2020) (подг. Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.04.2025 по делу № А53-13577/2024 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1312673101> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2020 по делу № А32-23557/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/565725457> (дата обращения: 19.02.2025).
5. Постановление Деятого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2020 по делу № А40-77884/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/573318258> (дата обращения: 19.02.2025).
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.12.2023 по делу № А40-274839/2022 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/1304497809> (дата обращения: 19.02.2025).
7. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 28 с.
8. Латынин О.А. К вопросу об определении понятии правовой доктрины и соотношении правовой доктрины с близкими понятиями // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 44–49.
9. Мхитарян Л.Ю., Мхитарян А.С. Роль доктрины в системе источников права России // Международны́й научно-исследовательский журнал. 2024. № 6 (144). С. 90.
10. Пензалиев З.Г. К вопросу о правовом статусе Военной доктрины Российской Федерации // Право: история и современность. 2020. № 4 (13). С. 108–115.
11. Слободчиков В.И. Национальная доктрина образования РФ: статус и смысл // Народное образование. 2022. № 4 (1493). С. 25–27.

12. Shaxanov V.V. Yuridicheskaya doktrina kak pravovoj metafenomen i istochnik prava // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. 2023. № 4. S. 25–33.

Научная статья

УДК 347.965

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ НА ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Уайт Сара Бет, Ph.D., доцент права и содиректор Центра истории права и государственного управления, Школа права Ноттингемского университета, Ноттингем, Великобритания, sarabethw.law77@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы законодательного закрепления адвокатской монополии на оказание юридической помощи. В основе лежит анализ норм законодательства об адвокатской деятельности, а также положений процессуального законодательства в рамках уголовного и гражданского судопроизводства. Основные споры разворачиваются между сторонниками введения адвокатской монополии и её противниками. Сама идея адвокатской монополии в статье характеризуется как вполне обоснованная, по крайней мере, исходя из тех требований, которым обязаны соответствовать адвокаты в части наличия соответствующего образования, опыта (стажа) и квалификации, подтверждённой результатами сдачи соответствующего экзамена. С учётом этого, адвокатская монополия, установленная с некоторыми ограничениями в рамках уголовного судопроизводства, расценивается автором положительно. В рамках же гражданского, административного и арбитражного судопроизводства, а также производства по делам об административных правонарушениях адвокатская монополия не установлена, что позволяет и иным лицам оказывать юридическую помощь. Такой подход в статье тоже поддерживается автором и оценивается как оптимальным, не требующий пересмотра. Предлагается сохранить адвокатскую монополию исключительно в сфере уголовного судопроизводства. Мнение сторонников введения полной адвокатской

монополии во всех областях судебного представительства оценивается в статье как преждевременное.

Ключевые слова: адвокатская монополия, адвокатура, рынок юридических услуг, статус адвоката, статус юриста, юридическая помощь, юридические услуги

Статья поступила в редакцию 24.03.2025, одобрена после рецензирования 23.04.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE LAWYER'S MONOPOLY ON LEGAL AID

**Sarah Beth White, Ph.D., Associate Professor of Law and Co-Director of the
Centre for Legal History and Governance, School of Law, University of
Nottingham, Nottingham, United Kingdom**

Abstract

The article discusses the controversial issues of the legislative consolidation of the lawyer's monopoly on the provision of legal aid. It is based on an analysis of the norms of legislation on advocacy, as well as the provisions of procedural legislation in the framework of criminal and civil proceedings. The main disputes unfold between supporters of the introduction of a lawyer's monopoly and its opponents. The very idea of a lawyer's monopoly is characterized in the article as well-founded, at least based on the requirements that lawyers must meet in terms of appropriate education, experience (seniority) and qualifications, confirmed by the results of passing the relevant exam. With this in mind, the lawyer's monopoly, established with some restrictions in the framework of criminal proceedings, is regarded positively by the author. In the framework of civil, administrative, and arbitration proceedings, as well as proceedings on administrative offenses, a lawyer's monopoly has not been established, which allows other persons to provide legal assistance. This approach is also supported by the author

in the article and is assessed as optimal, which does not require revision. It is proposed to preserve the lawyer's monopoly exclusively in the field of criminal proceedings. The opinion of supporters of the introduction of a full lawyer's monopoly in all areas of judicial representation is assessed in the article as premature.

Keywords: lawyer's monopoly, advocacy, legal services market, lawyer's status, lawyer's status, legal aid, legal services

Введение

Адвокатов в сфере оказания юридической помощи (юридических услуг) отчасти можно считать монополистами, если учесть, что лица, не имеющие адвокатского статуса, но имеющие юридическое образование, сталкиваются с определёнными правовыми ограничениями в своей юридической практике. И несмотря на факт закрепления определённых правил и требований, касающихся оказания юридической помощи (юридических услуг), оформивших частичную адвокатскую монополию, вопросы ее введения, сохранения, расширения, отмены продолжают оставаться предметами дискуссий и в научной среде, и в среде адвокатской, и в среде субъектов правотворчества в государственных структурах. Отдельные мнения относительно законодательного закрепления адвокатской монополии заслуживают внимания, которое им уделено в данной статье.

Основная часть

Адвокатская монополия, несмотря на свою определённую ограниченность, сомнений не вызывает, исходя из вполне конкретного законодательного закрепления, прежде всего, в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4] (далее – Закон об адвокатской деятельности) и источниках процессуального законодательства, в частности, Уголовно-процессуальном кодексе РФ [1] (далее – УПК РФ).

Само слово «монополия» применительно к деятельности адвокатов в законодательстве не употребляется. Однако его широко используют в научном дискурсе и профессиональном обсуждении проблематики, поэтому считаем возможным и в рамках настоящей статьи оперировать указанным термином.

Говоря о такой монополии, нужно в целом отразить специфику адвокатского статуса, опираясь на Закон об адвокатской деятельности. Исходя из ст. 1 указанного Закона, адвокатская деятельность рассматривается в качестве особого вида деятельности, который отличается:

- профессиональным характером;
- нетождественностью предпринимательству;
- преследованием определённых целей.

Профессионализм адвокатской деятельности выражается в том, что и де-факто, и де-юре это, как правило, основная деятельность для адвоката. А на её профессиональный характер указывают, в том числе, и те требования, которым адвокат должен соответствовать по уровню образования, квалификации, опыту, статусу.

Принципиальное отличие от предпринимательской деятельности выражается в том, что деятельность адвоката формально предусматривается как самостоятельная, причем не нацеленная (в отличие от предпринимательства) на извлечение прибыли. Такое отличие представляется сугубо формальным. Фактически в адвокатской деятельности предпринимательская составляющая видится весьма существенной.

Защита прав, свобод, интересов граждан и организаций, обеспечение доступа к правосудию – главные декларируемые цели адвокатской деятельности, согласно ст. 1 указанного Закона.

Адвокат имеет особый статус, являясь субъектом, оказывающим юридическую помощь и выступающим независимым профессиональным советником по правовым вопросам, согласно ст. 2 анализируемого Закона. Поэтому он всегда ориентирован именно на защиту интересов своего доверителя

и не представляет интересы каких-либо иных субъектов, отличных от доверителя, в том числе интересы государства, каких-либо иных организаций и пр.

Учитывая изложенное, нельзя не обратить внимание на отдельные источники процессуального права, регламентирующие вопросы представительства и защиты интересов участников процесса.

Так, УПК РФ, регламентируя вопросы защиты подозреваемого и обвиняемого, наделяет их правом использовать помощь защитника, как и законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ). При этом защитниками могут быть именно адвокаты, хотя и близкого родственника суд в качестве защитника тоже может допустить. Более того, защитником может выступать и иное лицо, если о его допуске ходатайствует обвиняемый. Если же имеет место рассмотрение уголовного дела у мирового судьи, то иное лицо допускается в качестве защитника и вместо адвоката (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). То есть признание за адвокатом монополии, пусть и ограниченной монополии в рамках уголовного процесса, становится очевидным.

Возможность допуска в качестве защитника иного лица в определённой степени можно считать обоснованной, ведь она отражает определенную свободу, которая присуща реализации любого права, в том числе и права на защиту. Однако нельзя не подчеркнуть, что именно адвокат имеет более значимый ресурс для оказания полноценной юридической помощи в рамках уголовного дела хотя бы исходя из того, что возможности оказания давления на него со стороны субъектов уголовного преследования весьма ограничены: производство в отношении адвоката, обыска, осмотра и выемки требует соблюдения дополнительных требований (ст. 450. 1 УПК РФ).

Несколько иначе решается вопрос монополии адвокатов в рамках гражданского судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс РФ [3] (далее – ГПК РФ), согласно ст. 49, допускает в качестве представителей в суде адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь при наличии

высшего юридического образования либо учёной степени по юридической специальности. Исключение составляют дела, которые рассматривают мировые судьи и районные суды, где для представительства достаточно лишь дееспособности и надлежаще оформленных полномочий на ведение дел.

Аналогичным образом вопрос допущения к оказанию юридической помощи иных субъектов решается в рамках административного и арбитражного процесса, где иные лица, имеющие юридическое образование, вправе оказывать соответствующую помощь наравне с адвокатами [5].

Кодекс РФ об административных правонарушениях [2], согласно ст. 25.5, позволяет в качестве защитника или представителя в рамках участвовать как адвокату, так и иному лицу. Причём требования к иному лицу, в том числе в части наличие образования, не установлены данной нормой.

Таким образом, лица, не получившие статуса адвоката, существенно ограничены в возможностях развития своей юридической практики, связанной с оказанием юридической помощи (юридических услуг). Это ограниченность очевидно лишь при обращении к УПК РФ, в рамках которого российский законодатель исключил любые возможности привлечения к участию в уголовном процессе лиц, не имеющих соответствующего статуса. Этому есть вполне понятное объяснение.

Уголовный процесс – наиболее ответственная сфера процессуальных правоотношений и правосудия вообще, чреватая существенными рисками для граждан, которые преследуются в уголовном порядке. Отсюда и необходимость обеспечения максимально высоких требований к лицам, которые должны оказывать юридическую помощь по уголовным делам, особенно с учётом его состязательного характера. И именно в рамках адвокатуры обеспечивается максимально высокий уровень подготовки специалистов. Более того, государство наделяет адвокатов особым статусом, существенно расширяющим их возможности в плане выполнения профессиональных задач по оказанию юридической помощи.

Относительно высокий уровень подготовки адвокатов, по крайней мере с формальной точки зрения, обусловлен, прежде всего, наличием требований к образованию (ст. 9 Закон об адвокатской деятельности), к опыту (стажу) и уровню подготовки, что контролируется посредством обязательного квалификационного экзамен (ст. 10).

Особый адвокатский статус предполагает и наличие определённых специальных гарантий:

- соблюдение адвокатской тайны (ст. 8 Закона об адвокатской деятельности),
- наличие адвокатского иммунитета (ст. 18).
- наличие полномочий направлять адвокатский запрос, который не может быть проигнорирован (ст. 6.1);
- страхование риска ответственности (ст. 19).

Также стоит сказать и о повышенных обязательствах адвоката и наличии относительно жёсткого контроля со стороны адвокатской палаты, членство в которой имеет адвокат.

Безусловно, изложенное не означает, что уровень подготовки и опыт специалистов в области юриспруденции, не имеющих статуса адвоката, автор ставит под сомнение. Тем не менее, в целом именно представители адвокатуры отвечают более высоким требованиям. Отсюда и установление адвокатской монополии может считаться вполне обоснованным.

В литературе взгляды на вопрос адвокатской монополии не отличаются единообразием. Более того, вопрос адвокатской монополии не является таким узким, каким он может показаться на первый взгляд, и им охватывается целый ряд проблемных аспектов, справедливо отмечаемых в работе А.Н. Верещагина [6, с 154]. Первый из них касается определения конкретных сфер, в рамках которых адвокатская монополия должна (может) быть установлена. Эта проблема выходит далеко за рамки гражданско-правовой сферы, в которую включен институт адвокатуры, и касается также уголовного,

гражданского, административного, арбитражного судопроизводства. Немаловажным является и вопрос о том, в рамках каких именно судебных инстанциях адвокатская монополия необходима, а в каких она является излишней. Нельзя игнорировать и вопрос об исключениях из адвокатской монополии. В рамках него возникает необходимость определения тех аспектов отношений, на которые адвокатская монополия не должна или не может распространяться.

Есть ли необходимость в распространении адвокатской монополии на рынок консультационных услуг (по правовым вопросам)? Могут ли быть какие-то альтернативные варианты адвокатской монополии? Каким именно образом надлежит регламентировать вопросы обеспечения доступа к получению статуса адвоката? [6, с 154]. Все эти вопросы существенно расширяют поле для дискуссий по поводу адвокатской монополии, и очевидно, что без их разрешения и широкой поддержки в целом адвокатская монополия не может быть выведена за рамки уголовного процесса, где она сейчас присутствует.

Конечно же, можно предположить, что монополия на оказание юридической помощи или, по крайней мере, представительских услуг, введена будет. Но что повлечёт? Безусловно, практикующие юристы, не имеющие статуса адвоката, устремятся получить его, предприняв необходимые меры. А учитывая тот факт, что количество таких специалистов существенно превосходит количество адвокатов, сама численность адвокатов существенно возрастет, что потребует и со стороны государства определённых мер по обеспечению соответствующего контроля в этой сфере [10, с. 85]. Готово ли оно на сегодняшний день к этому? Думается, что нет, особенно учитывая современный уровень развития адвокатуры.

Полагаем, что на сегодняшний день для государства в большей мере актуальны задача обеспечения надлежащего рассмотрения судебных дел, сокращения сроков разрешения споров, нежели вмешательство в развитие рынка

юридических услуг и юридической помощи, более широкого, чем сфера адвокатуры.

Стоит, однако, согласиться с теми авторами, которые отмечают недостаточно высокий уровень квалификации некоторой части юристов, в том числе оказывающих предоставляющие юридические услуги [8, с. 488]. Но данная проблема в большей мере является не проблемой рынка юридических услуг, а проблемой самого образования в целом и юридического образования в частности, поэтому именно на повышение уровня образования должно быть ориентировано на государство в первую очередь.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые указывают на наличие некоторого опыта, связанного с попытками введения адвокатской монополии в начале 2000-х гг. Однако тогда попытки реализации соответствующей инициативы повлекли лишь удорожание юридических услуг. Что же касается качества, то оно существенно не улучшилось. Исходя из этого высказывается мнение о неготовности юридического сообщества к введению полноценной адвокатской монополии на судебное представительство [9, с. 348].

Отдельные исследователи обращают особое внимание на необходимость исключения недобросовестных консультантов из профессии с обязательным введением реестра недобросовестных юристов [7, с. 83]. Подобные идеи в целом у автора находят понимание. Однако этот вопрос тоже не является столь однозначным.

Что представляет собой недобросовестность в рамках деятельности по оказанию юридической помощи – однозначно сказать невозможно. Конечно, можно ориентироваться на профессиональные стандарты и адвокатскую этику. Но оценка действий или бездействия конкретного юриста – это всегда вопрос субъективный, и он может решаться весьма неоднозначно, особенно с учётом того, что сама сфера юриспруденции является местом возникновения и разрешения самых разных конфликтов. В этой связи не могут быть исключены

ситуации, когда тот или иной специалист намеренно дискредитируется какой-либо заинтересованной стороной.

Заключение

Вопрос адвокатской монополии на сегодняшний день является открытым. По мнению автора, в оптимальном варианте такая монополия должна сохраняться лишь в рамках уголовного судопроизводства. Что же касается гражданско-правовой и административной сфер, то в их рамках введение адвокатской монополии представляется преждевременным, хотя и исключить такой вариант нельзя. В любом случае готовность российского юридического сообщества и адвокатуры к введению монополии адвокатов на судебное представительство пока сомнительна.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Верещагин А.Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 2, 2017. С. 152–179.
7. Зарина А.М. Адвокатская монополия: миф или реальность // Евразийская адвокатура. 2024. № 6(71). С. 81–84.

8. Мецлер В.Э., Кушнарев А.С. Перспективы внедрения адвокатской монополии в гражданское судопроизводство // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 484–489.
9. Никулина С.В. Реформа судебного представительства: адвокатская монополия // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 11(99). С. 345–349.
10. Юсупова А.Н. Актуальные вопросы о введение адвокатской монополии на рынке юридических услуг // Цивилистика: право и процесс. 2023. № 4(24). С. 83–86.

References

1. Ugolovno-processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul`tantPlyus».
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul`tantPlyus».
3. Grazhdanskij processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul`tantPlyus».
4. Federal'ny`j zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. ot 22.04.2024) «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konul`tantPlyus».
5. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF № 4 (2019) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 25.12.2019) // SPS «Konul`tantPlyus».
6. Vereshhagin A.N. K ocenke obosnovannosti advokatskoj monopolii // E`konomicheskaya politika. 2017. T. 12, № 2, 2017. S. 152–179.
7. Zarina A.M. Advokatskaya monopoliya: mif ili real`nost` // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 6(71). S. 81–84.
8. Meczler V.E`., Kushnarev A.S. Perspektivy` vnedreniya advokatskoj monopolii v grazhdanskoe sudoproizvodstvo // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2024. № 30. S. 484–489.

9. Nikulina S.V. Reforma sudebnogo predstavitel'stva: advokatskaya monopoliya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2024. № 11(99). S. 345–349.
10. Yusupova A.N. Aktual'ny'e voprosy` o vvedenie advokatskoj monopolii na ry`nke yuridicheskix uslug // Civilistika: pravo i process. 2023. № 4(24). S. 83–86.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 342.7

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

**Турсынкулова Динара Ахановна, к.ю.н., старший преподаватель,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы,
Казахстан, dinaraturusa@mail.ru**

Аннотация

Право на забвение – результат развития системы прав человека, сопутствующий внедрению Интернет-технологий в жизнь общества и государства и производное право. Отсутствие норм, которые бы точно раскрывали понятие права на забвение и определяли механизмы его защиты пока отсутствуют, чем и определяется актуальность темы. В российском законодательстве данное право закреплено лишь фрагментарно и состоит в наделении заинтересованного субъекта возможностью требовать удаления ссылок на страницы, содержащие информацию о нём. При более детальном изучении такое право можно понимать более широко, включая в него возможность требовать удаления как ссылок, так и определённых страниц, содержащих информацию о заинтересованном субъекте. Такая позиция обосновывается в статье. Также отмечена возможность рассмотрения права на удаление определённой информации как при жизни заинтересованного гражданина, так и после его смерти (по аналогии с завещанием). Препятствующие реализации такого права обстоятельства, выделенные в статье, связаны с глобальным характером интернет-пространства и сохранением его регулирования лишь на уровне национального законодательства. Проблемным аспектом является и сама техническая сложность удаления информации в сети Интернет. Сосредотачиваясь на проблематике урегулирования данного права в рамках национального

законодательства, автор так формулирует предложение по внесению изменений в Конституцию РФ, предлагая именно за счёт права на забвение расширить круг прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Интернет-технологии, права пользователя социальной сети, права человека, право на забвение, удаление информации в сети Интернет

Статья поступила в редакцию 15.03.2025, одобрена после рецензирования 12.04.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

THE RIGHT TO BE FORGOTTEN IN THE HUMAN RIGHTS SYSTEM: SOME PROBLEMS OF CONSOLIDATION AND IMPLEMENTATION

Tursynkulova Dinara Akhanovna, Candidate of Law, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The right to be forgotten is the result of the development of the human rights system, accompanying the introduction of Internet technologies into the life of society and the state and derivative law. The absence of norms that would accurately disclose the concept of the right to oblivion and define mechanisms for its protection is still missing, which determines the relevance of the topic. In Russian legislation, this right is only fragmentary and consists in giving an interested entity the opportunity to request the removal of links to pages containing information about it. Upon closer examination, such a right can be understood more broadly, including the possibility to require the removal of both links and certain pages containing information about the interested party. This position is justified in the article. The possibility of considering the right to delete certain information both during the lifetime of an interested citizen and after his death (by analogy with a will) was also noted. The circumstances hindering the realization of such a right, highlighted in the article, are related to the global nature of

the Internet space and the preservation of its regulation only at the level of national legislation. A problematic aspect is the very technical complexity of deleting information on the Internet. Focusing on the problem of regulating this right within the framework of national legislation, the author formulates a proposal to amend the Constitution of the Russian Federation, suggesting that it should expand the range of human and civil rights and freedoms through the right to oblivion.

Keywords: Internet technologies, social network user rights, human rights, the right to be forgotten, deletion of information on the Internet

Введение

Права и свободы человека и гражданина в своём большинстве были раскрыты в научных и философских трудах в общем виде уже довольно давно. Относительно давней можно считать и практику их нормативного закрепления. Среди ключевых правовых актов старейшим источником общепризнанных прав человека, остающимся в силе, можно выделить Всеобщую декларацию прав человека [2]. Что же касается национального российского права, то в его рамках в качестве базового источника, где закреплены права человека, выступает Конституция РФ [1].

Учитывая, что эти и многие другие источники закрепления прав человека остаются стабильными на протяжении многих лет, хотя и претерпевают некоторые изменения, институт прав человека в целом можно считать сформировавшимся, стабильным и находящимся на относительно высоком уровне своего развития.

Сказанное все же не означает, что круг прав человека продолжает оставаться неизменным, по крайней мере, если ориентироваться не только на нормативные источники, а учитывать и источники научно-теоретического характера. Здесь имеет место расширение круга прав, и одним из результатов такого процесса стало появление права на забвение, которое в целом

обусловлено внедрением в общественную жизнь Интернет-технологий, в том числе социальных сетей и поисковых систем

Основная часть

Право на забвение, хотя и не получило полноценного законодательного закрепления и эффективной практической охраны до настоящего времени, в научно-теоретических источниках обсуждается активно. Представления о нём сложились вполне определённые, хотя и во многом спорные.

Упоминание об указанном праве в официальных источниках позволяет рассматривать его не только в научно-теоретическом, но и в практическом аспекте. При этом научно-теоретический аспект для раскрытия рассматриваемого права представляется не менее важным, чем практический, поскольку сами правовые нормы, имеющиеся в федеральном законодательстве, подзаконных нормативных правовых актах, международных нормативных документах, не позволяют раскрыть многих особенностей рассматриваемого права.

Аналогичную проблему подчёркивает Е.М. Подрабинок, сетуя на отсутствие легального определения «права на забвение» в нормах действующего российского гражданского законодательства [8, с. 191]. Но стоит сказать, что и в других источниках законодательства, не относящихся к отрасли гражданского права, соответствующие нормы, которые бы позволяли в полной мере раскрыть суть права на забвение, тоже отсутствуют.

Однако есть нормы, которые косвенно раскрывают отечественное понимание права на забвение, именно с позиции российского законодателя. Они были внесены в 2015 в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и обязали оператора поисковой системы, распространяющего в сети Интернет рекламу, по требованию гражданина прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети Интернет, позволяющих получить доступ к информации о гражданине, но лишь при условии, что таковая распространяется с нарушением российского

законодательства, носит недостоверный, неактуальный характер, утратила значение для заявителя в силу последующих событий или его действий. При этом исключение составляет информация о событиях, содержащих признаки преступлений, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость [3].

Очевидно, что такое понимание права на забвение является чрезмерно узким и не может быть применено ко многим случаям. В этом его фрагментарность.

Некоторые вопросы вызывает и возможность предъявления соответствующих требований по удалению информации к администрации социальной сети иного сайта, где поисковая система является лишь одним из множества элементов такой сети.

Относительно спорным является и требование, исходя из которого недопустимо удалять информацию о лице, если таковая содержит признаки преступлений, поскольку не вполне понятно, как (на каком основании) сам оператор поисковой системы, не будучи уполномоченным субъектом, будет оценивать соответствующую информацию на предмет наличия признаков преступления. В тех случаях, когда такие признаки очевидны, он может сделать об их наличии объективный вывод, однако сами признаки преступления могут быть и неочевидными.

Остаются вопросы и относительно самих характеристик информации, которая должна быть удалена по требованию заявителя. Недостоверность, неактуальность, утрата значения информацией – все это оценивается весьма субъективно, если для того нет однозначных документальных подтверждений.

Существенная ограниченность понимания права на забвение в указанном случае выражено ещё и в том, что речь идёт именно о поисковой системе. Сами страницы сайта с соответствующей информацией закон не обязывает по

требованию заявителя удалять, хотя при наличии явных нарушений закона может быть принята и такая мера.

Поэтому. Говорить о том, что право на забвение в российском законодательстве детально регламентировано, не приходится. Хотя и о его отрицании говорить было бы тоже неуместно.

Стоит заметить, что рассматриваемое право получило закрепление в законодательстве многих стран мира. При этом во многих случаях оно регламентировано весьма своеобразно. Например, законодательство Франции содержит нормы о гарантиях «права на цифровую смерть», в чем прослеживается некоторая аналогия с завещанием. В рамках данного права гражданин может рассчитывать на то, что после его смерти поставщики online-услуг или же доверенные лица определят судьбу размещенной в сети Интернет информации о нем именно исходя из его воли [9, с. 131–132].

Думается, что для полноценной реализации такого права сам гражданин должен максимально внимательно подойти к решению соответствующего вопроса, учтя все возможные нюансы такой информации, что особенно сложно. Она имеет совершенно разный характер, быть размещенной на множестве Интернет-ресурсов, причём как национальных, так и зарубежных: в последнем случае решить вопрос о судьбе такой информации о гражданине в полной мере вряд ли возможно. Интернет-пространство в современных условиях является, конечно же, единым, однако, правовое регулирование его режима единством не отличается, а значит, гражданин, проживающий в конкретной стране, может рассчитывать, что как при его жизни, так и при его смерти вопрос забвения вероятнее всего будет решён фрагментарно, то есть лишь в рамках той юрисдикции, в пределах которой он проживает.

Изложенное свидетельствует и о том, что рассматриваемое право условно может быть подразделено на две составляющие: первая касается удаления из сети Интернет информации именно при жизни самого гражданина; вторая

составляющая касается удаления соответствующей информации о гражданине после его смерти.

Относительно проблемы практической реализации права на забвение можно отметить проблемность. Сама практика реализации анализируемого права весьма небогата и только начинает формироваться, по крайней мере, на уровне судов вышестоящей инстанции. Здесь стоит обратиться к Определению Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О [4].

В указанном Определении было акцентировано внимание на ст. 23 Конституции РФ о праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести, также тайны переписки, и на ч. 1 ст. 24 о запрете на сбор, хранение, использование, распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Именно в рамках этих конституционных положений подчеркнута юридическая значимость иных производных прав, среди которых выделено и право на забвение в сети Интернет.

Конституционный Суд при этом счёл законной возможность ограничения права на забвение из соображений безусловной публичной значимости соответствующей информации, а такую значимость связал с наличием связи с событием преступления.

То есть рассматриваемое право как законодателем, так и судебными органами оценивается в контексте обеспечения баланса между частными интересами конкретного заинтересованного гражданина и интересами общественными, связанными именно с охраной личности, общества, государства от общественно опасных деяний. Изложенное является, безусловно, справедливым и не вызывает сомнений, если говорить не о нюансах, а в целом о пределах реализации рассматриваемого права: определенные пределы такого права должны быть.

Однако такие пределы остаются неконкретными. Проблема отсутствия конкретизации пределов рассматриваемого права связана и с тем, что оно зачастую отождествляется с правом на удаление определённой информации. Но

в науке высказывается мнение о том, что право на забвение в скобчках (забытие) отлично от права на удаление информации. Причём именно последнее является более широким [5, с. 13].

Такой взгляд обоснован, поскольку «забыть» в буквальном смысле именно в контексте функционирования сети Интернет означает, что соответствующая информация не будет показываться. Однако это не значит, что она будет полностью удалена, а потому она может «вспоминаться». Иллюстрируя данную проблему, можно обратить опять же внимание на российское законодательство, в рамках которого гражданин вправе требовать от оператора поисковой системы удалить соответствующую информацию, исключив ссылки на определённую страницу из выдачи поисковой системы, однако, это не означает, что сама интернет-страница, содержащая такую информацию, будет удалена. Это именно тот случай, когда информация о пользователе может быть «забыта», но не удалена полностью и в определённых случаях о ней можно «вспомнить», в том числе и имея ранее сохранённую ссылку.

Ориентируясь на такие взгляды, в литературе высказываются мнения о синонимичности понятий «право на забвение», «право быть забытым», «право требовать удаления ссылок» [8, с. 192].

В случае реализации гражданином такого права удаляются соответствующие ключевые слова из поисковых систем, а доступ к определённым сведениям становится более сложным, что, однако, не значит, что доступ к ним становится полностью невозможным. Такая проблема в целом свойственна другим странам мира, признающим право на забвение в том или ином виде.

Учитывая уровень развития современных интернет-технологий, в литературе даже высказывается мнение о том, что обеспечить в полной мере реализацию рассматриваемого права не представляется возможным, ведь чтобы данную проблему решить, на уровне законодательства должны быть сформулированы требования к алгоритмам, которые используются в рамках

соответствующих интернет технологий, но технологически реализовать такое предложение сложно. Хотя и имеются некоторые положительные примеры, в частности Китай [7, с. 51].

Но, даже если и реализовать указанную возможность, как было сказано ранее, единой правовой основы функционирования Интернет-пространства не создано, а значит реализация такого права оказывается сомнительной.

Открытым остаётся вопрос о пределах реализации указанного права. Законодательство такие пределы связывает лишь с событиями преступлений. В литературе же взгляды относительно общественной значимости общественных интересов несколько отличаются применительно к праву на забвение. В частности, говорится об исторической ценности информации, необходимости устранения возможности злоупотребления правом со стороны заявителей [6, с. 169].

Заключение

Право на забвение - одно из наиболее перспективных, и настоящее время складываются все условия и предпосылки, которые могут позволить закрепить его не только на национальном уровне, но и в рамках ключевых источников международного права.

В рамках данной статьи предлагается круг прав свобод человека и гражданина указанным правом дополнить. Возможно его рассматривать и в качестве неосновного, однако, закрепить целесообразно именно на законодательном уровне. Для этого предлагается дополнить ст. 23 Конституции РФ частью 3 следующего содержания:

«3. Каждый имеет право требовать удаления информации о нем в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», если удаление такой информации не нарушает интересы государства в области обеспечения государственной и общественной безопасности, а также защиты исторической правды.»

То есть предлагается внедрить более широкий подход к регулированию права на забвение, связывая его не только с удалением ссылок, ну и иной информации, учитывая при этом ключевые интересы общества и государства.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Известия. 1989. № 344.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан "Информационно-аналитический центр "Сова"...» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Варламова Н.В. Цифровые права - новое поколение прав человека? /// Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
6. Волкова Г.Е. Судебная защита «права на забвение» в современной России: вопросы теории и практики // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 2. С. 165–171.
7. Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение права на доступ к Интернету и забвение в цифровом пространстве Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2(39). С. 48–53.

8. Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 290–300.
9. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 3. С. 122–146.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Vseobshhaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General`noj Assambleej OON 10.12.1948) // Izvestiya. 1989. № 344.
3. Federal`ny`j zakon ot 13.07.2015 № 264-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal`ny`j zakon Ob informacii, informacionny`x texnologiyax i o zashhite informacii i stat`i 29 i 402 Grazhdanskogo processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 26.03.2019 № 849-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` Regional`noj obshhestvennoj organizacii sodejstviya prosveshheniyu grazhdan Informacionno-analiticheskij centr Sova...» // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Varlamova N.V. Cifrovye`e prava - novoe pokolenie prav cheloveka? /// Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2019. Т. 14, № 4. S. 9–46.
6. Volkova G.E. Sudebnaya zashhita «prava na zabvenie» v sovremennoj Rossii: voprosy` teorii i praktiki // Vestnik yuridicheskogo fakul`teta Yuzhnogo federal`nogo universiteta. 2022. Т. 9, № 2. S. 165–171.
7. Zharova A.K., Elin V.M. Obespechenie prava na dostup k Internetu i zabvenie v cifrovom prostranstve Rossijskoj Federacii // Monitoring pravoprimeneniya. 2021. № 2(39). S. 48–53.

8. Podrabinok E.M. Osobennosti osushhestvleniya prava na zabvenie v e`poxu cifrovizacii obshhestva // Permskij juridicheskij al`manax. 2019. № 2. S. 290–300.
9. Talapina E`.V. E`volyuciya prav cheloveka v cifrovuyu e`poxu // Trudy` Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2019. T. 14, № 3. S. 122–146.

Научная статья

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

**Пиччирилли Джованни, Ph.D., профессор конституционного и публичного права, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, Рим, Лацио, Италия,
gpicci_rim21@outlook.com**

Аннотация

Цель данной статьи – дать научно-правовую оценку цифрового рубля в контексте конституционных положений. Исходя из них, единственным денежным средством территории России является рубль, выпуск же любых иных денежных средств, в том числе суррогатов, запрещён. Отсюда и сомнения в соответствии конституционным нормам цифрового рубля. Нормы федерального законодательства, также рассматриваемые в статье, обеспечивающие валютное регулирование, не в полной мере адаптированы к внедрению цифрового рубля на территории России, однако в целом вопросы, связанные с цифровым рублём, на уровне федерального законодательства урегулированы. Ключевая проблема выражается именно в недостаточной согласованности норм федерального законодательства с конституционными нормами. Анализ, проведенный автором, не даёт возможности в полной мере отождествлять цифровой рубль с безналичными денежными средствами. Тем не менее, признать цифровой рубль особой. формой безналичных денежных средств законодателю ничего не мешает, что и предлагает автор статьи. Также аргументируется недопустимость отождествления цифрового рубля с различными криптовалютами, исходя из полной его подконтрольности государству, безусловной легальности и централизованного выпуска: это не позволяет применять в отношении цифрового рубля даже приставку «крипто».

Ключевые слова: Банк России, национальная валюта, российский рубль, цифровая экономика, цифровой рублю, цифровые технологии

Статья поступила в редакцию 04.05.2025, одобрена после рецензирования 26.05.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE OF THE DIGITAL RUBLE

**Giovanni Piccirilli, Ph.D., Professor of Constitutional and Public Law, LUISS
Guido Carli University, Rome, Lazio, Italy**

Abstract

The purpose of this article is to provide a scientific and legal assessment of the digital ruble in the context of constitutional provisions. Based on them, the only monetary instrument in Russia is the ruble, and the issue of any other monetary means, including surrogates, is prohibited. Hence the doubts about the compliance of the constitutional norms of the digital ruble. The norms of federal legislation, also discussed in the article, which ensure currency regulation, are not fully adapted to the introduction of the digital ruble in Russia, however, in general, issues related to the digital ruble have been resolved at the federal legislative level. The key problem is expressed precisely in the lack of consistency of the norms of federal legislation with constitutional norms. The analysis conducted by the author does not make it possible to fully identify the digital ruble with non-cash funds. Nevertheless, to recognize the digital ruble as special. the form of non-cash funds does not interfere with the legislator, which is what the author of the article suggests. It also argues for the inadmissibility of identifying the digital ruble with various cryptocurrencies, based on its full state control, unconditional legality and centralized issuance: this does not allow even the prefix "crypto" to be applied to the digital ruble.

Keywords: Bank of Russia, national currency, Russian ruble, digital economy, digital ruble, digital technologies

Введение

Прогресс цифровых технологий непременно затрагивает все сферы жизни общества и государства, особенно экономику. Одним из существенных результатов внедрения цифровых технологий в экономику, имеющих большие перспективы, стало появление цифрового рубля, в рамках Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» [3] (далее – Закон № 161-ФЗ). Его природа, как и вопросы введения, могут быть рассмотрены в разных аспектах, в том числе и юридическом, особенно в контексте конституционных норм.

Здесь надо напомнить, что ч. 1 ст. 75 Конституции РФ [1] предусматривает именно рубль в качестве единственной денежной единицы, с одновременным запретом ведения и эмиссии других денег. Поэтому и возникает справедливый вопрос о соответствии цифрового рубля положениям указанной статьи.

Цель данной статьи – дать научно-правовую оценку цифрового рубля в контексте конституционных положений.

Основная часть

В научной литературе как правовой, так и экономической (финансово-экономической) тематики, появление цифрового рубля и его внедрение в российскую финансовую систему рассматривается в контексте научно-технического прогресса и описывается как закономерный результат тех изменений, которые происходят в глобальном масштабе [7, с. 86]. Закономерность отрицать трудно, особенно если учесть, что в целом мировая экономика развивается именно в векторе внедрения цифровых ценностей, которые становятся все более популярными.

В этих условиях цифровой рубль становится фактически новым инструментом расчётов. И в контексте его характеристики практически всегда обращается особое внимание на перспективность [7, с. 87–89]. С данным подходом стоит согласиться, поскольку в настоящее время цифровой рубль вряд

ли возможно рассматривать как полноценное платёжное средство, несмотря на его законодательную урегулированность.

Цифровой рубль совершенно однозначно признается именно национальной цифровой валютой, внедрение которой должно обеспечить возможность рассчитываться максимально удобно, просто, надёжно, не сталкиваясь с какими-либо затруднениями, обусловленными фактором грамотности, географическим положением и пр. [5]. Такие характеристики цифровому рублю даны Банком России, а потому они в определённом смысле объективны, описываются на законодательство и не могут рассматриваться как чей-то субъективный взгляд на рассматриваемый объект правового регулирования.

Если в целом абстрагироваться от цифрового рубля, но рассматривать именно цифровую валюту как некоторую ценность, оборот которой обеспечивается центральным банком страны, то отличием можно считать полную подконтрольность государству и, соответственно, наличие легального статуса. Это принципиально отличает централизованную национальную валюту, к коей относится и цифровой рубль, от разного рода децентрализованных цифровых валют [6, с. 93–97].

Централизованность и соответствующие правовые гарантии относительно цифрового рубля во многом базируются на монополистическом положении Банка России: именно он обладает исключительной монополией на создание токенов цифрового рубля [6, с. 94], что закономерно. Благодаря этому, цифровой рубль все более интегрируется в российскую денежно-кредитную систему [6, с. 94]. То есть пока ещё нельзя сказать, что он занял в ней прочное место и лидерские позиции.

Описанные преимущества цифрового рубля были бы несомненны, если его характеристики рассматривались бы вне контекста конституционно-правового регулирования. банковской системы, вне контекста традиционного валютного законодательства. В данной же статье эти контексты учитываются и порождают некоторые сомнения в исключительных преимуществах цифрового рубля.

Достаточно лишь обратиться к конституционным нормам, закладывающим основы российской банковской, финансовой системы и денежно-кредитной политики. Так, ч. 1 ст. 75 Конституции РФ закрепляет в качестве денежной единицы в Российской Федерации рубль. О его разновидностях (типах, видах) в данном случае не упоминается, из чего можно сделать вывод, что в любой форме рубль своей правовой сути не меняет (не должен менять). Так или иначе, он един.

Та же норма закрепляет в качестве единственного эмитента денежных единиц Центральный Банк РФ (Банк России). Там же закреплён и чёткий запрет введения и эмиссии других денег в Российской Федерации. И хотя не уточняется, на каких именно эмитентов распространяется запрет (на всех, включая Банк России, или только на других, отличных от Банка России), автор полагает, что запрет касается любых эмитентов, то есть и для Банка России не является допустимым эмиссия иных денег.

Указанные конституционные положения дублируются и отчасти раскрываются в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [4], ст. 27 которого гласит, что в качестве официальной денежной единицы (валюты) Российской Федерации выступает рубль, состоящий из 100 копеек, а иные денежные единицы, как и денежные суррогаты, запрещены на территории нашей страны. Исходя из ст. 28 указанного федерального закона не устанавливается официальное соотношение между рублём и золотом либо иными драгоценными металлами.

Одновременно с этим п. 4.2 ст. 4 указанного федерального закона возлагает на Банк России организацию и обеспечение функционирования платформы цифрового рубля. То есть цифровой рубль, будучи предусмотрен на уровне федерального закона, в Конституции РФ не упоминается ни в каком качестве. Это даёт повод о многом задуматься.

Тем не мене, Закон № 161-ФЗ в п. 18 ст. 3 упоминает об электронных денежных средствах. Очевидно, что к ним относится и цифровой рубль.

Причину, по которой о цифровом рубле как денежном средстве не упоминается в Конституции, понять можно: на момент разработки соответствующих конституционных норм вопрос цифровой валюты ещё не получил должного правового обоснования и фактического развития на уровне науки и техники.

В контексте изложенного стоит обратить внимание и на нормы валютного законодательства, а именно Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» [2]. Ст. 1 указанного федерального закона, конкретизируя основные понятия именно «для целей настоящего федерального закона», относит к валюте Российской Федерации:

- денежные знаки в виде банкнот и монет, которые находятся в обращении в России, также которые изымаются или изъяты, но подлежат обмену;
- средства на банковских счетах и в банковских вкладах.

Примечательно, что о цифровом рубле в данном случае не упоминаются.

В той же норме, однако, говорится и об иностранной валюте, в которую включают также денежные знаки и средств на банковских счетах и в банковских вкладах. Помимо того, к иностранной валюте относят и выпускаемые в цифровой форме денежные единицы зарубежных центральных банков. Поэтому включить цифровой рубль в категорию валюты Российской Федерации, как нам представляется, возможно лишь по косвенным признакам.

Учитывая изложенное, становится очевидной проблема обеспечения соответствия цифрового рубля положениям Конституции РФ, и где именно рубль закреплён в качестве единственного денежного средства, а упоминаний о цифровом рубле нет.

Главенство вопроса о правовом статусе цифрового рубля признается и самим Центральным Банком, и учёными [8, с. 1751]. Наличие этой проблемы отрицать невозможно, равно как и говорить о том, что она была решена в рамках урегулирования правового статуса цифрового рубля теми нормативными актами, которые уже приняты, действуют и применяются на практике.

Конечно, статус цифрового рубля можно было бы соотнести в целом со статусом рубля и сослаться на аналогию с безналичными денежными средствами, которые размещаются на банковских счетах, однако, принципиальное отличие цифрового рубля в том, что он не подлежит использованию для вкладов и кредитования. [8, с. 1751], что принципиально отличает его от прочих денежных средств.

В литературе отмечается, что даже цель создания цифрового рубля не вполне чётко обозначена в нормативной документации [8, с. 1752]. С этим мнением можно согласиться, как и с тем фактом, что сам правовой статус цифрового рубля тоже не в полной мере конкретизирован. Отечественный законодатель в большей мере акцентирует внимание на регулировании функционирования самой платформы цифрового рубля, а статус цифрового рубля фактически остаётся без надлежащего внимания, порождая соответствующие сомнения.

В литературе высказывается мнение о том, что цифровой рубль может быть рассмотрен наряду с наличным и безналичным рублём. В этом смысле он является своеобразным аналогом безналичных денежных средств [9, с. 39]. Учитывая, что традиционным рублём электронный рубль определяется в соотношении 1:1, такой взгляд обоснован.

В то же время, в рамках гражданского законодательства, цифровой рубль рассматривается как своеобразный аналог безналичных денежных средств [9, с. 40].

Однако в аналогичности цифрового рубля заставляет усомниться невозможность его использования в качестве средства сбережения. То есть цифровой рубль, позволяя рассчитываться, не даёт возможности денежные средства сберегать.

В литературе отрицается. Возможность рассмотрения цифрового рубля в качестве аналога криптовалют [9, с. 40]. С этим мнением вполне можно согласиться, учитывая, что его единственным законным эмитентом является

Банк России. То есть выпуск цифрового рубля централизован и законодательно урегулирован. Более того, он находится под полным контролем государства в этом плане приставка «крипто» к такой валюте в принципе не применима.

Примечательно, что в литературе в большинстве случаев вопросы цифрового рубля анализируются ее в конституционно-правовых, а в иных аспектах. Нюансы же конституционно-правовой природы зачастую рассматриваются не вполне детально, а порой и просто игнорируются, хотя это вряд ли можно считать обоснованным. Отсюда совершенно закономерен вопрос о том, чем именно является цифровой рубль: формой денег или же безналичной валютой [10].

Относительно этого вопроса высказывается мнение о том, что его решение будет зависеть от сложившейся правоприменительной практики [10]. Однако, о наличии такой практики пока говорить не приходится.

А.В. Соколов, анализируя ч. 1 ст. 75 Конституции РФ, приходит к выводу о том, что из данной нормы вовсе не следует, что цифровой рубль есть денежная единица, идентичная рублю. Также указанный автор подчёркивает, что сами взгляды законодателя на национальную валюту с 1993 г. остались прежними [10]. И с этой точки зрения Конституция РФ в части регулирования вопросов денежного обращения, может быть оценена исключительно положительно, как документ, сохранивший наибольшую стабильность. Однако к внедрению цифрового рубля в российскую финансовую систему Конституция не адаптирована.

Заключение

Внедрение цифрового рубля, таким образом, можно считать закономерным итогом технологического развития российской финансовой системы. Это одно из проявлений мировой тенденции распространения практики создания цифровых валют. Однако, конституционный статус цифрового рубля не уточнён, а это означает наличие весьма существенного законодательного

пробела. Поэтому законодателю надлежит более тщательно рассмотреть вопрос о статусе цифрового рубля и отразить этот результат в ст. 75 Конституции РФ.

В рамках данной работы не представляется возможным изложить однозначную формулировку, которая бы закрепила положение о цифровом рубле в Конституции, поскольку для этого предстоит ответить на множество проблемных вопросов, в том числе об идентичности цифрового рубля.

С нашей точки зрения, цифровой рубль следует рассматривать в качестве особой формы безналичных денежных средств. Из этого же предлагается исходить и законодателю.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
5. Цифровой рубль: текущий статус проекта (Подготовлен Департаментом национальной платежной системы; июнь 2025 г.) // Официальный портал Банка России. Режим доступа:
https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf

6. Артемьева Ю.Д., Хасбулатова И.М., Степанникова О.А. Цифровой рубль — новый вид денег или альтернатива криптовалюте? // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 4. С. 92–98.
7. Баттахов П.П., Овчинникова Ю.С. Правовая природа цифрового рубля: теоретические и практические аспекты // Аграрное и земельное право. 2023. № 9 (225). С. 86–90.
8. Кукушкин Г.В. Цифровой рубль: конституционно-правовой статус // Эволюция российского права : Мат. XXI межд. науч. конф. молодых ученых и студентов (г. Екатеринбург, 28 апреля 2023 г.). Екатеринбург: УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, 2023. С. 1748–1754.
9. Равоян Р.А. Правовое регулирование обращения цифрового рубля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 39–42.
10. Соколов А.В. Конституционно-правовой статус цифрового рубля // Вестник международных научных конференций. 2023. № 1(19). С. 14–18.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Federal`ny`j zakon ot 10.12.2003 № 173-FZ (red. ot 28.12.2024) «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2003. № 50. St. 4859.
3. Federal`ny`j zakon ot 27.06.2011 № 161-FZ (red. ot 23.05.2025) «O nacional`noj platezhnoj sisteme» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2011. № 27. St. 3872.
4. Federal`ny`j zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ (red. ot 31.07.2025) «O Central`nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 28. St. 2790.

5. Cifrovoj rubl': tekushhij status proekta (Podgotovlen Departamentom nacional'noj platezhnoj sistemy'; iyun` 2025 g.) // Oficial'ny`j portal Banka Rossii. Rezhim dostupa: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf
6. Artem`eva Yu.D., Xasbulatova I.M., Stepannikova O.A. Cifrovoj rubl' — novy`j vid deneg ili al`ternativa kriptovalyute? // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny`x texnologij. 2024. T. 13. № 4. S. 92–98.
7. Battaxov P.P., Ovchinnikova Yu.S. Pravovaya priroda cifrovogo rublya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty` // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2023. № 9 (225). S. 86–90.
8. Kukushkin G.V. Cifrovoj rubl': konstitucionno-pravovoj status // E`volyuciya rossijskogo prava : Mat. XXI mezhd. nauch. konf. molody`x ucheny`x i studentov (g. Ekaterinburg, 28 aprelya 2023 g.). Ekaterinburg: UrGYuU im. V.F. Yakovleva, 2023. S. 1748–1754.
9. Ravoyan R.A. Pravovoe regulirovanie obrashheniya cifrovogo rublya // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 6. S. 39–42.
10. Sokolov A.V. Konstitucionno-pravovoj status cifrovogo rublya // Vestnik mezhdunarodny`x nauchny`x konferencij. 2023. № 1(19). S. 14–18.

Научная статья

УДК 342.7, 347.6

ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ОТЦОВСТВА В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 38 КОНСТИТУЦИИ РФ

**Пилипенко Александр Анатольевич, к.ю.н., доцент кафедры
государственного управления юридического факультета,
apilipenko_state@outlook.com**

Аннотация

Статья посвящена теме обеспечения государственной защиты отцовства в контексте статьи 38 Конституции РФ. В ней отражается сочетание публично-правового и частноправового характера данной проблематики, рассматривается содержание и правовой смысл ст. 38, а также 7 и 72 Конституции РФ в части государственной защиты отцовства, законодательная трактовка отцовства и предлагаемые в литературе подходы к пониманию этого термина. Подчёркивается многозначность отцовства, и возможность его рассмотрения в широком и узком смысле, а также в контексте юридическом, социальном, биологическом. Основная проблема, выделяемая в работе, состоит в отсутствии упоминания отцовства в ст. 38 Конституции РФ, наряду с материнством. В этом усматривается некоторая дискриминационность конституционно-правового регулирования и однозначных законодательный пробел, несмотря на упоминание отцовства наряду с материнством в и других конституционных нормах. В литературе данная проблема зачастую игнорируется, что тоже отмечено в статье. Проблема дискриминируемости отцовства рассматривается и на основе некоторых научных трудов, опирающихся на практику судов и органов опеки и попечительства. Сделаны выводы о необходимости совершенствования конституционно-правовых основ защиты отцовства и сформулировано предложение о внесении изменений в ст. 38 Конституции РФ.

Ключевые слова: государственная защита семьи, детство, материнство, отцовство, семейные ценности, равенство мужчины и женщины

Статья поступила в редакцию 03.04.2025, одобрена после рецензирования 02.05.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

ON ENSURING STATE PROTECTION OF PATERNITY IN THE CONTEXT OF ARTICLE 38 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pilipenko Alexander Anatolyevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Administration of the Law Faculty

Abstract

The article is devoted to the topic of ensuring state protection of paternity in the context of Article 38 of the Constitution of the Russian Federation. It reflects the combination of the public-law and private-law nature of this issue, examines the content and legal meaning of Articles 38, as well as 7 and 72 of the Constitution of the Russian Federation regarding state protection of paternity, the legislative interpretation of paternity and the approaches proposed in the literature to understanding this term. The author emphasizes the ambiguity of fatherhood, and the possibility of considering it in a broad and narrow sense, as well as in a legal, social, and biological context. The main problem highlighted in the work is the lack of mention of paternity in Article 38 of the Constitution of the Russian Federation, along with motherhood. There is some discrimination in the constitutional legal regulation and an unambiguous legislative gap, despite the mention of paternity along with motherhood in other constitutional norms. This problem is often ignored in the literature, which is also noted in the article. The problem of paternity discrimination is also considered on the basis of some scientific works based on the practice of courts and guardianship authorities. Conclusions are drawn about the need to improve the constitutional and legal foundations of paternity protection and a proposal is formulated to amend Article 38 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: state protection of the family, childhood, motherhood, fatherhood, family values, equality of men and women

Введение

Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ) в ряде статей провозглашает направленность политики на обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, справедливо рассматривая перечисленные ценности комплексно, в их взаимосвязи друг с другом. Тем не менее, каждый из перечисленных элементов, в том числе материнство и отцовство, представляет самостоятельный теоретический и практический интерес.

Анализ ст. 38 Конституции РФ даёт основания полагать, что определённый приоритет ее разработчики все же отдают именно защите материнства, что не в полной мере отвечает принципу равенства мужчины и женщины, закреплённому в ч. 3 ст. 19, а также положениям некоторых конституционных норм, упоминающих о защите отцовства наряду с защитой материнства. Найти возможности устранения данных противоречий планируется в данной работе.

Основная часть

Прежде всего стоит сказать, что рассматриваемая проблема носит двойственный характер: с одной стороны, она находится в поле публично-правовых (государственно-правовых) наук, прежде всего, в рамках конституционного права, поскольку нормы Конституции РФ неоднократно упоминают об отцовстве, а также о смежных правовых ценностях, в том числе материнстве, детстве и защите семьи. Более того, вопросы государственной защиты отцовства во многом носят стратегический характер. Они особо значимы для решения проблем именно публичного характера, в том числе связанных с реализацией социальной функции государства (в широком смысле), решением демографической проблемы, укреплением семейных ценностей и в целом традиционных основ российского общества.

С другой стороны, рассматриваемая проблема неразрывно связана с частноправовыми науками, прежде всего с семейным правом, в том числе и ввиду неоднократного упоминания об отцовстве в нормах Семейного кодекса РФ [2] (далее – СК РФ). Здесь же внимание сосредоточено преимущественно в публичной плоскости. Соответственно, приоритетную роль приобретают определённые нормы Конституции.

Ч. 2 ст. 7 Конституции РФ – одна из интересующих нас норм, где отцовство упоминается наряду с материнством, детством и поддержкой семьи, именно в контексте государственной социальной политики, что абсолютно закономерно. Это даёт основание рассчитывать, что отцовство, как социальная и правовая ценность, находится именно наравне с материнством, тоже выступающим социальной и правовой ценностью. Эти ценности формируют основу традиционного брака и традиционной семьи, в том понимании, которое закреплено СК РФ.

П. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ в части разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов к вопросам совместного ведения относит, в том числе, защиту семьи, материнства, отцовства и детства.

Однако, в ст. 38 упоминается о защите материнства, детства и семьи, однако об отцовстве не говорится. Именно поэтому ст. 38 Конституции РФ вызывает некоторые вопросы. Данного описания норм уже достаточно для того, чтобы выразить идею о постановке перед законодателем задачи устранения указанного пробела, по крайней мере, формального.

В научных работах указанный нюанс зачастую игнорируется либо на него обращается внимание, но имеет место некоторая недооценка проблемы. В этой связи условно выделяются два подхода. Сторонники первого из них считают, что отсутствие в ст. 38 Конституции указания на отцовство фактически нивелируется упоминанием отцовства в ст. 7 и 72 Конституции. Авторы, поддерживающие другой подход, вовсе не упоминают отцовство в контексте ст. 38, отмечая принцип равенства прав родителей, в том числе в возможностях

ухода за ребёнком [5, с. 47]. Такое видение проблемы в рамках данной работы не поддерживается.

Вообще сама тематика отцовства в российском законодательстве урегулировано не вполне детально. А то регулирование, которое имеется, в большей мере сосредоточено в рамках семейного законодательства и гражданского процессуального законодательства, которое отчасти касается и вопросов признания отцовства.

При этом даже само понятие «отцовство» раскрыто крайне односторонне в нормах законодательства. Например, в ст. 49 СК РФ отцовство трактуется как происхождение ребёнка от конкретного лица. Очевидно, что такой взгляд на отцовство уместен лишь при его рассмотрении в узком аспекте и исключительно в рамках СК РФ. Конечно же, такое видение не отражает конституционно-правовой природы отцовства и его особой социальной значимости, которую, тем не менее, отрицать не представляется возможным.

Исходя из ст. 264 Гражданского процессуального кодекса [3] (далее – ГПК РФ), отцовство может рассматриваться и как следствие, результат определённого факта, в частности, факта признания отцовства.

Помимо того, отцовство может быть рассмотрено в качестве компонента в (института) семьи, и как отдельный правовой институт, и как субинститут семейного права. При этом становится очевидной его неразрывная связь с институтом (субинститутом) материнства [4, с. 8].

Нельзя исключить возможность рассмотрения отцовства и в других контекстах, также отмечаемых в научной литературе. Прежде всего, данная категория носит конституционно-правовой характер и отражает наличие, как правило, кровного родства между отцом и его ребёнком (детьми). Отцовство может предполагать и определённый комплекс биологических, правовых, воспитательных функций, которые выполняет мужчина в отношении своих детей. Отцовство отражает и определённые биологические механизмы. Связанные с продолжением рода. В этом случае оно находится в безусловной

взаимосвязи с материнством, хотя и отчасти может анализироваться в качестве отдельного правового, биологического, социального феномена. Несомненно, и юридическая составляющая отцовства [4, с. 33].

Учитывая наличие юридической составляющей отцовства, можно констатировать, что оно выступает своеобразным фактическим и юридическим основанием для признания за гражданином определённого статуса со всеми вытекающими правами, обязанностями и потенциально возможной ответственностью.

С учётом изложенного представляется обоснованным взгляд на отцовство как в широком, так и в узком смысле. В узком смысле отцовство отражает лишь сам факт происхождения ребёнка от конкретного мужчины. При рассмотрении же отцовства в широком смысле этот феномен наполняется другими элементами, в частности, юридическим, биологическим и пр. Причём оно может обуславливаться как кровным, так и юридическим родством [6]. С учётом изложенного представляются обоснованными взгляды тех авторов, которые считают, что ни один нормативный акт понятия «отцовство» не закрепляет, в том числе и потому, что определение, данное в СК РФ, отражает лишь один из множества его аспектов.

Вообще институт отцовства в российской науке изучен крайне мало. В то же время феномены материнства, детства, семьи оказываются более разработанными в рамках отечественной юридической науки. Причём было бы ошибкой утверждение о том, что процессуальные аспекты признания отцовства изучены плохо [7, с. 29]. Поэтому можно констатировать, что проблематика отцовства изучается лишь в отдельных аспектах, при этом конституционно-правовая составляющая отцовства зачастую несправедливо нивелируется.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание на то, что текущее законодательство, прежде всего семейное, содержит массу норм, которые призваны обеспечить юридическое и фактическое равенство отца и матери, как равенство мужчины и женщины. Там говорится, в частности, об одинаковых

родительских правах и обязанностях, в том числе в части воспитания, образования детей, обеспечения их права на защиту, отстаивания интересов, заботы о здоровье детей, физическом, психическом, духовном, нравственном развитии и пр. [8, с. 149]. Соответствующие положения имеются, в частности, в ст. 63, 64, 65, 80 СК РФ.

Проблематика конституционно-правовых гарантий отцовства не может считаться надуманной, субъективной, особенно если учесть, что в правоприменительной практике имеет место некоторый дисбаланс не в пользу отцов. Например, С.В. Зыков обращает внимание на правоприменительную практику в работе органов опеки и попечительства, указывая, что в их заключениях, даваемых по семейным спорам, в 69% случаев отдаётся приоритет именно правам матери. Эта проблематика усугубляется. И в рамках практики судов, которые в большей мере склонны придерживаться позиции официальных органов, дающих заключения, в том числе и органов опеки и попечительства. Как ни странно, в подавляющем большинстве случаев органы опеки и попечительства однозначно высказываются в пользу матери в контексте ситуаций, когда не имеют информацию от другой стороны. В отдельных случаях они демонстрируют и нейтральность по отношению к матерям, которые не в полной мере выполняли свои родительские обязанности. Указанный автор, иллюстрируя рассматриваемую проблему, подчёркивает, что смог найти лишь одно судебное дело, где органы опеки и попечительства высказались в пользу проживания ребёнка с отцом. Причём суд их не поддержал [5, с. 52].

Можно было бы приводить и другие примеры, в том числе в рамках конкретных судебных дел, однако принципиально ситуацию это не изменило бы, как и позицию автора статьи.

С учётом изложенного представляется совершенно справедливым высказывание С.В. Зыкова о том, что правоприменительная практика в отношении отцов нередко носит дискриминационный характер, в том числе и в рамках судебных разбирательств, касающихся таких аспектов, как определение

места жительства ребёнка, определение порядка общения ребёнка с отдельно проживающим родителем, привлечение к ответственности за неисполнение соответствующих решений и пр. [5, с. 67].

Изложенное вовсе не свидетельствует о том, что те или иные позиции судов ставятся под сомнение с точки зрения их соответствия законодательству. Любое решения суда, во всяком случае, вступившие в законную силу, являются в полной мере законным. Однако наличие определённой дискриминационности отрицать невозможно. В этих условиях становится очевидной необходимость обеспечения равной государственной защиты отцовства наравне с материнством, без каких-либо привилегий в одну или другую сторону. И начать решение такой проблемы представляется необходимым на самом высоком уровне, а именно в рамках конституционно-правового регулирования института отцовства, материнства, семьи и детства.

Заключение

В результате анализа конституционных норм был выявлен пробел в части законодательного закрепления защиты отцовства в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. Поэтому, учитывая ч. 2 ст. 7 и п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, предлагается изложить ч. 1 ст. 38 Конституции в новой редакции:

«1. Отцовство, материнство, детство и семья находятся под защитой государства.»

Реализация изложенной идеи важна не только для формального устранения имеющегося пробела, но и в целом для совершенствования конституционно-правовых основ государственной защиты семьи и связанных с ней традиционных ценностей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996 № 1. Ст. 16.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск 2014. 254 с.
5. Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44–71.
6. Петрова Е.В. Сущность и особенности правовой природы понятия отцовства // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 13. С. 376-383.
7. Пурге А.Р. Особенности установления факта признания отцовства по законодательству Российской Федерации // Юридические исследования. 2024. № 2. С. 27-39.
8. Тхай В.Р., Чернигов С.А. Институт отцовства в современном российском законодательстве // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 148-156.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Semejny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 23.11.2024) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 1996 № 1. St. 16.
3. Grazhdanskij processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 46. St. 4532.
4. Ageeva A.V. Konstitucionno-pravovoj status sem`i v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk 2014. 254 s.

5. Zy`kov S.V. Osushhestvlenie prava otczovstva v sovremennoj Rossii: pravoprimeritel`ny`e i zakonodatel`ny`e prepyatstviya // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2020. № 3. S. 44–71.
6. Petrova E.V. Sushhnost` i osobennosti pravovoj prirody` ponyatiya otczovstva // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 13. S. 376-383.
7. Purge A.R. Osobennosti ustanovleniya fakta priznaniya otczovstva po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii // Yuridicheskie issledovaniya. 2024. № 2. S. 27-39.
8. Txaj V.R., Chernigov S.A. Institut otczovstva v sovremennom rossijskom zakonodatel`stve // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. № 26. S. 148-156.

Научная статья

УДК 342.4

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ МНОГООБРАЗИИ КАК ОСНОВЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Печинская Елена, к.ю.н., доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, elpechinskaya.bs@gmail.com

Аннотация

Рассматриваемый в статье феномен идеологического многообразия имеет под собой конституционную основу и официально не ставится под сомнение. Об особой роли идеологического многообразия говорится во многих научных работах. Однако не является редкостью и критика данного конституционного принципа. В связи с этим в статье рассматриваются базовые конституционные положения, закрепляющие идеологическое многообразие, в также выражаемые в научной литературе взгляды на данный принцип. Особое внимание уделяется осмыслению понятий идеологии и идеологического многообразия. Автором признается позитивная роль идеологического многообразия и одновременно с этим некоторые его недостатки, негативно отражающиеся на обществе, государстве и праве. В статье также признается обоснованность взглядов учёных, критикующих идеологическое многообразие. Учитывая некоторые нормативные положения, автор отмечает предпосылки для формирования единой государственной идеологии и характеризует это положительно. В рамках обобщения результатов анализа в статье формулируется позиция, обосновывающая необходимость выработки единой государственной идеологии, базирующейся на действующих конституционных принципах, а также излагаются идеи относительно внесения изменений в нормы Конституции РФ, позволяющих выработать единую государственную идеологию.

Ключевые слова: государственная идеология, идеологическое многообразие, идеология, конституционный строй, Конституция РФ, многопартийность, обязательная идеология

Статья поступила в редакцию 08.04.2025, одобрена после рецензирования 19.05.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

ON THE ISSUE OF IDEOLOGICAL DIVERSITY AS THE BASIS OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL SYSTEM

**Elena Pechinskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Belarusian State
University, Minsk, Belarus**

Abstract

The phenomenon of ideological diversity considered in the article has a constitutional basis and is not officially questioned. The special role of ideological diversity is discussed in many scientific papers. However, it is not uncommon to criticize this constitutional principle. In this regard, the article examines the basic constitutional provisions that consolidate ideological diversity, as well as the views expressed in the scientific literature on this principle. Special attention is paid to understanding the concepts of ideology and ideological diversity. The author recognizes the positive role of ideological diversity and, at the same time, some of its shortcomings, which negatively affect society, the state and law. The article also recognizes the validity of the views of scientists who criticize ideological diversity. Taking into account some regulatory provisions, the author notes the prerequisites for the formation of a unified state ideology and characterizes it positively. As part of the generalization of the results of the analysis, the article formulates a position justifying the need to develop a unified state ideology based on the current constitutional principles, as well as outlines ideas regarding amendments to the norms of the Constitution of the Russian Federation, allowing to develop a unified state ideology.

Keywords: state ideology, ideological diversity, ideology, constitutional system, Constitution of the Russian Federation, multiparty system, compulsory ideology

Введение

Идеологическое многообразие, согласно ст. 13 Конституции РФ [1], относится к числу важнейших основ российского конституционного строя, и в целом остаётся незыблемо на протяжении всего периода действия Конституции, по крайней мере де-юре. Однако сама идея идеологического многообразия нередко критикуется в юридической, политической, философской литературе, вынуждая обратиться к вопросу переосмысления этой основы, в том числе с учётом накопленного исторического опыта и современных реалий, во многом характеризующихся утратой традиционных ценностей и прочих значимых для общества ориентиров

Основная часть

Понятие «идеология» стало использоваться в литературе с конца XVIII в., а основоположником его употребления считается французский философ Антуан Дестют де Траси. Причём указанное понятие было образовано от греческих слов и в буквальном переводе означало «учение об идеях». Однако современные представления о феномене идеологии предельно расширились, в результате чего идеология стала трактоваться в разных контекстах [6, с. 10].

Здесь не лишним будет заметить, что само понятие идеология находит употребление в литературе правовой, политической, философской, социально-экономической тематики, а потому его можно считать междисциплинарным. Однако в этой работе оно анализируется в основном с юридической точки зрения, в контексте действующего законодательства.

Современное понимание сущности идеологии довольно точно отражено в работе профессора А.Н. Кокотова, понимающего под идеологией набор идей, воззрений, концепций, доктрин, сказаний, мифов, выражающих то, как должно быть устроено общество, прежде всего в части его политико-правовой организации, на каких ценностях оно должно основываться и какие его группы являются (могут быть) опорными для него. Идеология есть та часть коллективного мировоззрения, которая нацелена на понимание и выражение

долговременных идеалов и интересов людей. Одновременно с этим указанный автор предлагает трактовать идеологию в качестве определённой части коллективного мировоззрения, выражающей долговременные идеалы, признаваемые обществом. Исходя из этого, он приходит к выводу о том, что идеологические построения имеют, как правило, программный характер и предназначены для обоснования и направления действий разных политических сил по достижению и воспроизводству желательных для них ценностей, прежде всего, общественно-государственного устройства определенного вида и качества [10, с. 12]. Таким образом, идеологию нельзя рассматривать как сугубо теоретическую основу. Она во многом носит практический характер и призвана служить достижению определённых целей.

Есть и иные взгляды на феномен идеологии. В частности, она может рассматриваться как комплекс определённых убеждений, причем любых [8, с. 5]. В связи с этим идеологию не представляется возможным рассматривать как исключительно положительный или исключительно негативный феномен. Важно именно ее конкретное содержание.

В любом случае идеология отражает определённые представления о должном устройстве государства, общества, правовой системы. При этом соответствующие идеи, образующие идеологию, не представляется уместным назвать единственно истинными. Они являются продуктом политической мысли, отражают определённый выбор человека (группы лиц), так или иначе отвечают его (ее) интересам. Думается, что именно этот аспект стал предпосылкой для закрепления на конституционном уровне идеологического многообразия, дабы исключить поддержку государством какой-либо идеологии, нацеленной на защиту интересов узкой группы лиц в ущерб другим.

И здесь стоит обратиться к положениям ст. 13 Конституции РФ, где идеологическое многообразие закреплено прямо (ч. 1). Это даёт возможность использовать указанную норму в решении тех или иных вопросов непосредственно.

Ч. 2. ст. 13 Конституции РФ предусматривает прямой запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной, что дает более точные представления об идеологическом многообразии.

Также в указанной статье раскрываются некоторые иные составляющие, которые можно рассматривать в контексте идеологического многообразия. В частности, закреплено политическое многообразие и многопартийность с равенством общественных объединений перед законом. Действует и запрет на создание и деятельность любых общественных объединений, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв её безопасности, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни.

В приведённых нормах закрепление идеологического многообразия является максимально конкретным. В то же время это многообразие ограничено определёнными рамками. Соответственно, можно говорить лишь об условном идеологическом многообразии.

Конституционный Суд РФ (далее - КС РФ) не раз обращался к проблематике идеологического многообразия, раскрывая его смысл и конституционно-правовое значение.

Так, в 2023 г. КС РФ подчеркнул наличие границ идеологического и политического многообразия. При этом соответствующие границы определяются основами конституционного строя, целостностью Российской Федерации, правами и свободами человека и гражданина. И именно в этих рамках существует плюрализм идеологических воззрений, а также возможности их публичного обсуждения, как и многопартийность. В конечном итоге, конституционные ценности, по соображениям КС РФ, должны поддерживать как правящее большинство, так и оппозиционное меньшинство [5].

Таким образом, Конституция РФ является тем инструментом, который, с одной стороны, гарантирует идеологическое многообразие, с другой стороны, его ограничивает, причём относительно конкретно.

В 2021 г. КС РФ подчеркнул важность национальной идеи, которая объединяет все общество, и наличие такой идеи не противоречит, согласно его позиции, идеологическому многообразию. При этом такая идея существует именно в облике конституционных ценностей [4]. То есть КС РФ де-факто признал наличие некоторой общей идеологической основы для построения Российского государства и общества, причём это не рассматривается как некая единая обязательная идеология.

В литературе идеологическое многообразие раскрывается и в контексте некоторых иных характеристик. В частности, отмечаются присущие ему:

- многопартийность;
- легальная оппозиция;
- регулярные общенародные свободные выборы в представительные органы государственной и муниципальной власти;
- комплекс прав и свобод граждан, позволяющий им участвовать в общественно-политической жизни;
- равноправие и свобода идеологии;
- правовые формы взаимодействия субъектов политических отношений [9, с. 141].

Учитывая представленные выше элементы, можно однозначно заявить о том, что идеологическое многообразие может рассматриваться как неотъемлемый атрибут демократического государства, что отчасти является оправданным. Тем не менее, и в условиях наличия единой идеологии нельзя исключить формирование демократического общества. Здесь многое зависит от того, какие именно идеи формируют конкретную идеологию, а не сам факт наличия идеологического многообразия.

В литературе совершенно обоснованно подчёркивается крайняя опасность чрезмерно широкого толкования понятия «идеологическое многообразие», если учитывать, что сам принцип идеологического многообразия воплощается на конституционном уровне и в рамках текущего законодательства [8, с. 7]. Поэтому наличие конкретных ограничений является не только правомерным, но и крайне необходимым.

В контексте изложенного стоит обратить внимание на отдельные идеологии, которые несут особую угрозу обществу, причём не только российскому, но и любому другому. Например, идеология терроризма, в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» [2] раскрываемая как идеология насилия. Очевидно, что такого рода идеологии находятся под жёстким запретом не только в России, но и в других цивилизованных государствах.

Помимо того, имеют место и иные идеологии деструктивного характера, находящиеся под запретом и рассматриваемые как угроза государству. Обобщённо они обозначаются и такими понятиями, как «экстремизм», «радикализм» (радикальные идеи, основанные на национальной и (или) религиозной исключительности), «деструктивные религиозные течения». Им весьма свойственны гиперболизация региональных интересов, сепаратизм, что угрожает государственной целостности [3].

Таким образом, отдельные идеологии или направления развития идеологической мысли вступают в явное противоречие с конституционными ценностями правового государства, а потому всеми возможными средствами пресекаются. Однако каждая конкретная идеология перечислена в законе не может быть по объективным причинам, поэтому для их обозначения может быть использован вполне подходящий термин «радикализм», отражающий крайние взгляды политического характера.

Учитывая изложенное, представляется особо важным запрет на установление обязательной идеологии. Профессор А.Н. Кокотов в этой связи пишет, что содержащийся в ч. 2 ст. 13 Конституции запрет противостоит

навязыванию обществу узкогрупповых идеологических воззрений как единственно допустимых; он помогает в государственной политике ориентироваться на здравый смысл, избегая идеологического монополизма. Последний нетерпим, как и экономический монополизм. Необходимыми средствами обеспечения идеологического многообразия, наряду с запретом установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной, являются политические права и свободы граждан, свобода совести, преподавательской деятельности, свобода информации, запрет цензуры [10, с. 17].

В литературе имеют место и иные позиции, высказываемые весьма авторитетными исследователями, обосновывающие необходимость установления государственной идеологии. Профессор Р.Б. Булатов, например, отмечает, что в качестве такой идеологии могла бы выступить идеология, выраженная в положениях действующей Конституции, иными словами, конституционная идеология, отражающая стремление народа к свободе, справедливости и демократии, которая должна стать ориентиром для народа, общества и государства [7, с. 33-35].

Заключение

Очевидными становятся противоречия между потребностью общества и государства в единой идеологической основе и конституционным запретом на установление единой обязательной идеологии. С учётом этого представляется необходимым поиск компромисса. Он, как мы полагаем, должен быть обеспечен за счёт признания правомерным установления единой идеологии с одновременным конституционным запретом радикальных идеологических установок. Поэтому предлагается внести изменения в ст. 13 Конституции РФ, а именно:

- ч. 1 изложить в следующей редакции:

«1. Положения настоящей Конституции образуют основу единой государственной идеологии.»;

- ч. 2 ст. 13 признать утратившей силу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
3. Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2 (ч. I). Ст. 361.
4. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020 - 2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Андреев А.Н. Идеология как феномен культуры и цивилизационный ресурс России. М. : Снежный Ком, 2023. 302 с.
7. Булатов Р.Б. Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 32-37.

8. Головинов А.В., Головинова Ю.В. Значение идеологического многообразия и политического плюрализма для отечественного государства: конституционно-правовые и теоретико-правовые аспекты // Российско-Азиатский правовой журнал. 2023. № 1. С.4-8.
9. Головинов А.В., Коновалов Л.Г. Актуальные проблемы конституционного права: идеологическое многообразие и парламентаризм. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. 169 с.
10. Кокотов А.Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 12. С. 11–23.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v ходе obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Federal`ny`j zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ (red. ot 28.02.2025) «O protivodejstvii terrorizmu» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2006. № 11. St. 1146.
3. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 29.12.2016 № 1532 (red. ot 13.12.2024) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Rossijskoj Federacii Realizaciya gosudarstvennoj nacional`noj politiki» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2017. № 2 (ch. I). St. 361.
4. Informaciya Konstitucionnogo Suda RF «Metodologicheskie aspekty` konstitucionnogo kontrolya (k 30-letiyu Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii)» (odobreno resheniem Konstitucionnogo Suda RF ot 19.10.2021) // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Informaciya Konstitucionnogo Suda RF «Aktual`ny`e konstitucionno-pravovy`e aspekty` obespecheniya e`konomicheskoy, politicheskoy i social`noj solidarnosti: k 30-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii (na osnove reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii 2020 - 2023 godov)» (odobreno resheniem Konstitucionnogo Suda RF ot 14.11.2023) // SPS «Konsul`tantPlyus».

6. Andreev A.N. Ideologiya kak fenomen kul'tury` i civilizacionny`j resurs Rossii. M. : Snezhny`j Kom, 2023. 302 s.
7. Bulatov R.B. Konstitucionny`e popravki 2020 g. v kontekste formirovaniya rossijskoj gosudarstvenno-pravovoj ideologii // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`. 2023. № 12. S. 32-37.
8. Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. Znachenie ideologicheskogo mnogoobraziya i politicheskogo plyuralizma dlya otechestvennogo gosudarstva: konstitucionno-pravovy`e i teoretiko-pravovy`e aspekty` // Rossijsko-Aziatskij pravovoj zhurnal. 2023. № 1. S.4-8.
9. Golovinov A.V., Konovalov L.G. Aktual`ny`e problemy` konstitucionnogo prava: ideologicheskoe mnogoobrazie i parlamentarizm. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. 169 s.
10. Kokotov A.N. Konstituciya Rossii i ideologiya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. T. 18, № 12. S. 11–23.

Научная статья

УДК 342.7

ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

**Мукалдиева Гулия Бокешовна, к.ю.н., доцент кафедры гражданского
права, гражданского процесса и трудового права, Казахский
национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан,
guliamukald.alma@bk.ru**

Аннотация

В статье рассматривается тема ограниченности принципа равенства всех перед законом и судом как конституционно-правовая проблема. Он задекларирован не только в нормах Конституции РФ, но и в нормах многих иных источников права. Однако равенство не носит абсолютного характера, и данная проблема поднимается в настоящей статье. Декларируемые в Конституции РФ идеи равенства определённо ограничиваются нормами различных федеральных законов, прежде всего УПК РФ, который предусматривает особый порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Определённые исключения из принципа равенства содержит и УК РФ, не позволяющий назначать пожизненное лишение свободы и смертную казнь женщинам, а также содержащий некоторые дискриминационные положения относительно мужчин в вопросах применения отсрочки отбывания наказания. Некоторые изъятия из принципа равенства содержит и законодательство о гражданстве, исходя из которого формально равное гражданство де-факто оказывается далёким от равенства. Рассматриваемые в статье позиции Конституционного Суда РФ содержат оценки законодательства, отрицающие наличие дискриминации и обосновывающие изъятия из принципа равенства. В литературе между тем о наличии дискриминации говорится. И исходя из этого в статье формулируется авторская позиция и делаются выводы относительно

принципа равенства и необходимости внесения изменений в нормы действующего законодательства.

Ключевые слова: дискриминация, закон, конституционные принципы, ограниченность принципа равенства, права человека и гражданина, принцип равенства, суд

Статья поступила в редакцию 02.05.2025, одобрена после рецензирования 03.06.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

LIMITATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEM

Guliya Mukaldiyeva, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Civil Procedure and Labor Law, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

The article discusses the limitations of the principle of equality of all before the law and the court as a constitutional and legal problem. It is declared not only in the norms of the Constitution of the Russian Federation, but also in the norms of many other sources of law. However, equality is not absolute, and this issue is raised in this article. The ideas of equality declared in the Constitution of the Russian Federation are definitely limited by the norms of various federal laws, primarily the Code of Criminal Procedure, which provides for a special procedure for criminal proceedings against certain categories of persons. The Criminal Code of the Russian Federation contains certain exceptions to the principle of equality, which does not allow life imprisonment and the death penalty to be imposed on women, as well as contains some discriminatory provisions regarding men in the application of deferred punishment. Some exceptions to the principle of equality are also contained in the legislation on citizenship, based on which formally equal citizenship de facto turns out to be far from equality. The

positions of the Constitutional Court of the Russian Federation considered in the article contain assessments of legislation that deny the existence of discrimination and justify exceptions to the principle of equality. Meanwhile, discrimination is mentioned in the literature. Based on this, the article formulates the author's position and draws conclusions regarding the principle of equality and the need to amend the norms of current legislation.

Keywords: discrimination, law, constitutional principles, limitations of the principle of equality, human and civil rights, the principle of equality, court

Введение

Принцип равенства декларируется в Конституции РФ [1] как в целом, так и применительно к отдельным аспектам правоотношений, что принято поддерживать и не ставить под сомнение. В то же время имеют место определённые изъятия из принципа равенства всех перед законом и судом, обусловленные различными льготами, привилегиями, иммунитетами [9, с. 127]. Это порождает ряд дискуссионных вопросов, затрагивающих как доктринальные основы конституционного права, так и вопросы правового регулирования отдельных сфер общественных правоотношений. Более того, проблематика разного рода исключений из принципа равенства приобретает практическое значение при рассмотрении отдельных дел судами. Все это опосредует необходимость изучения соответствующих ограничений упоминаемого принципа.

Основная часть

Основное внимание рассматриваемому принципу уделено в ст. 19 Конституции РФ, которая провозглашает равенство всех перед законом и судом, а также обеспечение государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от таких характеристик, как:

- пол;
- раса;

- национальность;
- язык;
- происхождение;
- имущественное и должностное положение;
- место жительства;
- отношение к религии;
- убеждения;
- принадлежность к общественным объединениям.

Причём спектр указанных обстоятельств не является исчерпывающим, что означает недопустимость дискриминации не только по перечисленным выше признакам, но и по каким-либо иным характеристикам. В этом смысле запрет дискриминации по тем или иным признакам понимается широко.

В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ также уточняется запрет любых форм ограничений прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Более того, права, свободы и возможности их реализации для мужчины и женщины гарантированы равные. Однако такие гарантии в значительной степени носят условный характер, ведь при рассмотрении отдельных законодательных норм становится очевидно, что принцип равенства ограничен весьма существенно.

Ст. 6 Конституции РФ формально закрепляет принцип единого и равного российского гражданства вне зависимости от оснований его приобретения, что выражается в де-юре равных правах, свободах, обязанностях, предусмотренных для всех граждан.

Изложенные идеи без сомнений поддерживаются автором и в целом юридическим сообществом они не ставятся под сомнение с точки зрения необходимости закрепления и сохранения. Однако, насколько прочны такие гарантии?

М.В. Пресняков отмечает, что ст. 19 Конституции РФ является местом закрепления фундаментального принципа правового государства. Причём речь

идёт именно о формальном, то есть юридическом равенстве всех людей, вне зависимости от их половой, расовой, национальной, языковой принадлежности и пр. Однако, по мнению указанного автора, такое равенство следует понимать с учётом его специфики. И речь идёт не о равенстве всех перед законом, а именно о равноправии, то есть о равенстве прав, которое, по мнению указанного автора, нельзя рассматривать как равенство, тождественное равенству всех перед законом и судом [8, с. 34]. С изложенной позицией можно согласиться, поскольку в ней отражается не абсолютный характер равенства, а именно его относительность, определённый формализм.

В статье А.Г. Рублёва также подчёркивается основополагающий характер рассматриваемого принципа, его особая роль для правового государства как опоры свободы и гарантии справедливости. В то же время указанным автором подчёркивается принципиальное содержательное отличие рассматриваемого принципа от закреплённой в Конституции формулировки. Более того, указанный автор прямо отмечает нарушение принципа равенства перед законом и судом, причём во всех сферах: социальной, экономической, интеллектуальной, политической, а также в сфере реализации правосудия [10, с. 277]. Вряд ли уместно оспаривать изложенную позицию, поскольку она подкреплена конкретными законодательными положениями, которые вне зависимости от их формальной оценки, даже оценки Конституционного Суда РФ, не утрачивают своей фактической правовой сущности.

В контексте изложенного опять же уместно вернуться к позиции М.В. Преснякова, который усматривает вполне конкретные ограничения принципа равенства. По его мнению, равноправие, за исключением гендерного, не означает равенства «всех», а только гарантирует одинаковое применение закона к любым субъектам права. В этой связи указанный автор подчёркивает, что сам по себе правовой статус равным (одинаковым) не является, он в определённой степени дифференцируется. Однако закон применяется ко всем одинаково, по крайней мере формально, конечно, с учётом их правового статуса.

Указанный автор фактически в принципе равенства всех перед законом и судом усматривает принцип законности, а не принцип равенства [8, с. 35]. Думается, что во многом он прав, особенно если учесть и формальную, и фактическую разницу в статусах граждан.

Наглядным подтверждением неравенства можно считать предоставление отдельным категориям физических лиц правовых иммунитетов, которые исключают возможность рассмотрения в отношении них, например, вопросов привлечения к юридической ответственности так, как это делается в отношении большинства граждан. Примечательно, что правовые иммунитеты имеют вполне конкретное и убедительное научное обоснование. Их законодательное введение опосредуется потребностью в обеспечении повышенной юридической защиты например, для должностных лиц, которые выполняют особо важные государственные функции, осуществляют от имени государства международную деятельность, задействованы в работе законодательных органов и пр. [9, с. 128].

Невозможно не признать, что сама идея установления правовых иммунитетов имеет под собой вполне прочные основания, они в рамках данной статьи не оспариваются. Более того, автор признает особую роль правовых иммунитетов, учитывая, что отдельные функции государства сопряжены с определёнными правовыми и иными рисками, и в этой связи лица, которые от имени государства ту или иную деятельность осуществляют, должны быть особенно защищены. Этим и определяется необходимость соответствующих изъятий из принципа равенства.

Развивая проблематику ограниченности принципа равенства, обратимся к ст. 447 УПК РФ [3], которая предусматривает ряд категорий лиц, в отношении которых порядок производства по уголовным делам носит особый характер. Среди них, в частности, сенаторы и депутаты федерального органа законодательной власти, судьи, председатель Счётной Палаты, Уполномоченный по правам человека в РФ, Президент РФ, прекративший свои полномочия, также кандидат в Президенты РФ, прокурор, председатель

Следственного комитета РФ, руководитель следственного органа, следователи, адвокаты, члены избирательной комиссии и пр. В целом круг лиц, в отношении которых уголовное преследование осуществляется в особом порядке, с необходимостью соблюдения дополнительных требований, достаточно широк. И включение каждого из перечисленных субъектов в данный перечень может стать предметом отдельного исследования. В данном же случае этот нюанс принципиального значения не имеет. Сам факт установления особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц явно свидетельствует о неравенстве граждан в рамках уголовного правосудия.

Стоит затронуть и вопрос гендерного равенства, который тоже урегулирован конституционными нормами. Отмеченное в Конституции РФ равенство мужчины и женщины, в целом поддерживается законодателями в рамках уголовного права, однако и там имеют место определённые исключения. Так, УК РФ [2] в ч. 2 ст. 57 в рамках регламентации пожизненного лишения свободы исключает возможность его назначения таким категориям лиц, как женщины, лица, совершившие преступления до наступления 18 лет, мужчины, достигшие к моменту вынесения судом приговора возраста 65 лет. В данной норме прослеживаются явные отклонения от идеи равенства по возрастному и половому (гендерному) признакам. И если в отношении несовершеннолетних отказ законодателя от возможности назначения пожизненного лишения свободы в целом понятен, то дискриминационный подход по отношению к мужчинам, особенно не достигшим возраста 65 лет, ясен не в полной мере.

Безусловно, автором поддерживается идея гуманизации уголовного законодательства, однако, когда речь идёт именно о пожизненном лишении свободы, то очевидно, что имело место совершение особо тяжкого преступления, а это исключительный случай привлечения к уголовной ответственности. Однако за совершение одного и того же преступления или нескольких преступлений мужчина может быть приговорён к высшей мере наказания, а

женщина - нет. Поэтому взгляд на данный вопрос законодателю было бы целесообразно пересмотреть.

Стоит обратить внимание и на положение ст. 82 УК РФ об отсрочке отбывания наказания. Данной статьёй возможность отсрочки предусмотрена для беременной женщины, а также женщины, имеющей ребёнка в возрасте до 14 лет вне зависимости от семейного положения и наличия второго родителя. В то же время мужчина имеет право на отсрочку отбывания наказания лишь в том случае, если ребёнок не достиг 14 лет и сам мужчина является единственным родителем. В этом тоже очевиден дискриминационный подход.

Примечательно, что многие вопросы, касающиеся равенства граждан перед законом и судом, неоднократно становились предметом рассмотрения в судах высшей инстанции, в том числе в Конституционном Суде РФ, однако он каких-либо нарушений не усмотрел. Так, в рамках одного из дел рассматривался вопрос о различиях возможности мужчины и женщины выйти на пенсию по старости. Проблема состояла в том, что пенсионный возраст мужчины де-юре наступает гораздо позднее, чем пенсионный возраст женщины, однако Конституционный Суд РФ не усмотрел в этом каких-либо нарушений, а подчеркнул, что такая дифференциация базируется на физиологических и иных различиях между мужчиной и женщиной, а также опосредована особой социальной ролью женщины в обществе, которая связана с материнством и согласуется с положениями ст. 38 ч. 1 Конституции РФ, исходя из которой материнство находится под защитой государства.

Примечательно, что в этом случае Конституционный Суд РФ подчеркнул важность достижения подлинного, а не формального равенства [5]. Сложно сказать, насколько такая позиция оправдана именно с точки зрения обеспечения подлинного равенства. Мы полагаем, что в данном случае и законодатель, и Конституционный Суд придерживаются именно формального подхода, признавая равенство там, где де-факто оно отсутствует. Что же касается особой защиты материнства, то здесь можно было бы добавить, что и отцовство, исходя

из конституционных норм, тоже находится под государственной защитой. Если учесть данный аспект, то складывается впечатление, что материнство государством защищается в большей мере, нежели отцовство.

Нельзя не обратить внимание и на Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» [4]. Нормы данного закона, с одной стороны, провозглашают равенство гражданства вне зависимости от способов (оснований) его приобретения, однако внимательное изучение оснований утраты гражданства позволяет сделать вывод, что оно де-факто равным не является. Тем не менее, Конституционный Суд РФ исходит из иных позиций. Рассмотрев одно из дел, он заключил, что факт невыполнения лицом установленных законом условий приобретения гражданства не может рассматриваться как лишение гражданства, а представляет собой именно конституционно допустимую меру отмены решения о приёме в гражданство [6].

То есть фактическое лишение гражданства де-юре в качестве такового не признается. Для этого используется иная формулировка. Однако в литературе, посвящённой проблематике правового равенства и равенства гражданства в частности, зачастую высказываются иные позиции. В этой связи совершенно правомерно отмечается, что состояние в гражданстве и реализация полного комплекса прав для натурализованных граждан зависит от выполнения ими формальных условий, которые установлены законодательством о гражданстве, отмена же решения о приёме в гражданство за совершение преступлений, а также за нарушение отдельных процедурных норм невозможно в отношении граждан, которые приобрели гражданство по рождению [7, с. 146-147]. Не признать обоснованность такой позиции сложно.

Заключение

С учётом изложенного можно было бы предложить отдельные меры, которые могут способствовать более последовательному обеспечению равенства всех перед законом и судом.

Во-первых, есть смысл дополнить ст. 19 Конституции РФ частью 4, допускающей изъятие из принципа равенства исключительно при наличии объективных причин, обусловленных конституционными целями.

Во-вторых, есть смысл пересмотреть некоторые нормы УК РФ в части привлечения к уголовной ответственности мужчин и женщин. Думается, что в вопросах назначения пожизненного лишения свободы, согласно ст. 57 УК РФ, а также отсрочки отбывания наказания, согласно ст. 82 УК РФ, не должно быть исключений. Полагаем, что подход применительно к мужчинам и женщинам должен быть в полной мере равным.

Таким образом, принцип равенства всех перед законом и судом является крайне острой конституционно-правовой проблемой, особенно в вопросах обеспечения равенства мужчины и женщины; лиц, получивших гражданство по рождению и в рамках натурализации; граждан, не имеющих особых статусов и лиц, имеющих статус, который опосредует особый характер производства по уголовным делам.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Березкина Владимира Рейновича, Бушмелева Геннадия Николаевича, Корниенко Николая

Николаевича, Кропотова Геннадия Ивановича и Мамаева Александра Степановича на нарушение их права на пенсионное обеспечение положениями статей 10 и 12 Закона Российской Федерации "О государственных пенсиях в Российской Федерации" и статьи 242 КЗоТ Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2021 № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Пирязева Н.Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 140-147.

8. Пресняков М.В. Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 2(219). С. 33-41.

9. Провалинский Д.И. Правовые иммунитеты в теории российского права // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 127-133.

10. Рублев А.Г. Вклад конституционного принципа равенства в формирование системной и непротиворечивой правоприменительной практики // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 3. С. 275–287.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Rossijskaya gazeta. 1993. № 237.
2. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».

3. Uголовno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul`tantPlyus».
4. Federal`ny`j zakon ot 28.04.2023 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) «O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
5. Opređenje Konstitucionnogo Suda RF ot 21.12.2000 № 276-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalob grazhdan Berezkina Vladimira Rejnovicha, Bushmeleva Gennadiya Nikolaevicha, Kornienko Nikolaya Nikolaevicha, Kropotova Gennadiya Ivanovicha i Mamaeva Aleksandra Stepanovicha na narushenie ix prava na pensionnoe obespechenie polozheniyami statej 10 i 12 Zakona Rossijskoj Federacii O gosudarstvenny`x pensiyax v Rossijskoj Federacii i stat`i 242 KZoT Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Opređenje Konstitucionnogo Suda RF ot 11.02.2021 № 183-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Verhovnogo Suda Respubliki Kareliya o proverke konstitucionnosti chasti vtoroj stat`i 22 Federal`nogo zakona O grazhdanstve Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul`tantPlyus».
7. Piryazeva N.E. Realizaciya konstitucionnogo principa ravenstva grazhdanstva v zakonodatel`stve Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. T. 26. № 6. S. 140-147.
8. Presnyakov M.V. Konstitucionny`j princip ravenstva kak slozhnosostavnoj koncept: problemy` adresata i stepeni realizacii // Lex Russica (Russkij zakon). 2025. T. 78, № 2(219). S. 33-41.
9. Provalinskij D.I. Pravovy`e immunitety` v teorii rossijskogo prava // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2015. № 1. S. 127-133.
10. Rublev A.G. Vklad konstitucionnogo principa ravenstva v formirovanie sistemnoj i neprotivorechivoj pravoprimeritel`noj praktiki // Ucheny`e zapiski KFU im. V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9 (75), № 3. S. 275–287.

CONTENTS

5.1.3. Private law (civil) sciences.....	8
Protasavitsky S. PROBLEMS OF DETERMINING THE LIMITS OF THE PRESUMPTION OF CONSENT OF A SPOUSE TO THE ACTIONS OF ANOTHER SPOUSE TO DISPOSE OF COMMON PROPERTY	8
Tomchak F. VIDEO RECORDING OF THE TRANSACTION CONCLUSION PROCESS: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION	21
Gumbatov E.A. ON THE ISSUE OF CONFIRMING THE FACT OF PERFORMING WORKS (RENDERING SERVICES) WITHOUT DRAWING UP A REPORT ON WORK PERFORMED (SERVICES RENDERED)	32
Shcherbik D. THE DOCTRINE AS A SOURCE OF LAW AND A REFERENCE POINT FOR THE COURT WHEN JUSTIFYING ITS POSITION.....	43
White S. B. DEBATABLE ISSUES OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE LAWYER'S MONOPOLY ON RENDERING LEGAL AID	55
5.1.2. Public and legal sciences.....	67
Tursynkulova D.A. THE RIGHT TO OBLIVION IN THE SYSTEM OF HUMAN RIGHTS: SOME ISSUES WITH PINNING AND IMPLEMENTING.....	67
Piccirilli J. CONSTITUTIONAL AND LEGAL NATURE OF THE DIGITAL RUBLE.....	79
Pilipenko A.A. ON ENSURING STATE PROTECTION OF PATERNITY IN THE CONTEXT OF ARTICLE 38 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION	90
Pechinskaya E. ON THE ISSUE OF IDEOLOGICAL DIVERSITY AS THE BASIS OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL SYSTEM.....	100
Mukaldieva G.B. LIMITEDNESS OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROBLEM.....	111